

GSPS | ИССЛЕДОВАНИЕ - ГЕНДЕР
В ВОСПРИЯТИИ ОБЩЕСТВА

ЖЕНЩИНЫ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ

Кыргызская Республика

ОКТАБРЬ 2018

©2018 Структура «ООН-женщины». Все права защищены.

Изготовлено Структурой «ООН-женщины» в Кыргызской Республике

Автор: Елена Ким

Редактор: Элеонора Прояева

Верстка: Азамат Турсункулов

Результаты, толкования и выводы, указанные в данной публикации принадлежат автору(-ам) и не обязательно являются отражением взглядов Структуры «ООН-женщины», ЮНФПА, МОМ, Организации Объединённых Наций и любой из ее аффилированных организаций, или Правительства Кыргызской Республики.

Ссылка на отчет: <http://www.unwomen.org/en/digital-library/publications>

ОТЧЕТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ:
ЖЕНЩИНЫ И ТРУДОВАЯ
МИГРАЦИЯ

Кыргызская Республика

Бишкек, октябрь 2018

ИССЛЕДОВАНИЕ «ГЕНДЕР В ВОСПРИЯТИИ ОБЩЕСТВА» (GSPS) КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Настоящий фундаментальный отчет является частью исследования «Гендер в восприятии общества» (GSPS), финансируемого Фондом Организации Объединенных Наций по миростроительству, совместно выполняемого ООН-женщины, ЮНФПА и МОМ в Кыргызской Республике и в партнерстве с Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики. Заинтересованные стороны из ведущих местных университетов, научно-исследовательских институтов, неправительственных организаций и правительственных министерств, включая Аппарат Президента; Национальную академию наук; Национальный совет обороны; Министерство труда, миграции и молодежи; Департамент по вопросам безопасности, правопорядка и обороны, и Министерство внутренних дел также поддержали исследование «Гендер в восприятии общества» (GSPS).

Создание данных и информации на уровне домохозяйств, сообществ и населения по основным факторам риска гендерного неравенства и угрозам насилия, затрагивающим женщин и де-вочек в Кыргызской Республике (то, что известно, считается и практикуется) является общей целью GSPS. Отдельные задачи GSPS направлены на понимание:

- Актуализации межличностных и структурных вопросов, ведущих к дискриминации по признаку пола, насилию и эксплуатации;
- Тенденций на уровне сообществ и меняющихся социальных представлений о гендерных стереотипах и отношениях;
- Взаимосвязи между гендерным неравенством, отсутствием безопасности и потенциальными причинами конфликтов.

Для достижения этих целей было проведено качественное и количественное исследование по пяти темам, которые представляют большой интерес для понимания гендерных практик и представлений в Кыргызстане сегодня: участие женщин в политической жизни; расширение экономических возможностей и прав женщин; насилие в отношении женщин и девочек в виде умыкания невест и ранних браков; религиозные верования и практики среди женщин и участие женщин в трудовой миграции. Результаты Национального опроса GSPS, полученные ЮНФПА и Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики, были опубликованы осенью 2016

года. Отчеты по компонентам GSPS, каждый из которых посвящен одной из пяти тем, представляющих интерес, включают выводы качественного и количественного исследования. Отчеты по компонентам и опрос опубликованы на английском, русском и кыргызском языках. Общее введение, опубликованное отдельно, предоставляет полный анализ контекста и методологию для сбора публикаций GSPS.

Исследование GSPS было запущено в целях восполнения отсутствующих комплексных исследований, которые сосредоточены исключительно на источниках гендерного неравенства и, в частности, на взглядах и представлениях, которые могут способствовать гендерному неравенству в Кыргызской Республике, а также в целях выявления факторов, уместных для продвижения мира с учетом гендерных требований. В рамках GSPS была предпринята попытка определить возможности и стратегии для равного участия женщин и девочек в процессах на уровне сообществ, дать целенаправленные рекомендации государственным органам и негосударственным институтам, а также представить доказательства для проведения в Кыргызской Республике политики, восприимчивой к гендерной проблематике. Результаты GSPS широко распространены в системе ООН, Правительстве Кыргызской Республики, среди ученых и членов гражданского общества и неправительственных организаций.

КОМАНДА ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор отчета: Елена Ким

Команда аналитиков данного отчета: Мурзакулова Асель, Тынычбекова Аида, Джапаркулова Айымбубу, Капалова Бактыгуль, Асаналиева Диана, Аттокурова Гульмайрам

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ КОМАНДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ГЕНДЕР В ВОСПРИЯТИИ ОБЩЕСТВА» (GSPS)

Главный исследователь: Мэган МакКормак

Обработка данных: Праслова Лариса

Учебные материалы разработали: Эсенгул Чинара, Горборукова Галина, Илибеева Лариса, Капалова Алтын, Хамидов Алишер, Кожобекова Айжаркын, Мурзакулова Асель, Аблеева Мехригуль, Багдасарова Нина

Региональное координирование полевых работ: Искатов Улан, Садыралиев Жандаралы, Акматов Кыдыргыч, Эргешов Мурзахмат, Рысбаев Азизбек, Сатканалиева Светлана, Шакулов Алмаз, Исалиев Кошой, Амаатов Торобек

Команда качественного исследования:

Исследовательские отчеты подготовили: Каримова Миргул, Ким Елена, Мурзакулова Асель, Укуева Нургуль, Эсенманова Нургул, МаксUTOва Айкокуль

Аналитическую поддержку предоставили:

Асаналиева Диана, Аттокурова Гульмайрам, Багышкулов Бектемир, Болотбекова Айкол, Джапаркулова Айымбубу, Капалова Бактыгуль, Касымова Мадина, Казакбаева Элнура, Ниязалиева Гулжан, Омурбекова Жаркын, Султанова Римма, Улуков Рустам, Урманбетова Зарина, Тынычбекова Аида

Сбор данных: Абдырахман кызы Наргиза, Асаналиева Диана, Аттокурова Гульмайрам, Багышкулов Бектемир, Болотбекова Айкол, Фронтбек кызы Жамал, Джапаркулова Айымбубу, Капалова Бактыгуль, Казакбаева Элнура, Ниязалиева Гулжан, Омурбекова Жаркын, Султанова Римма, Улуков Рустам, Урманбетова Зарина

Расшифровка аудиозаписей интервью:

Исследовательская и консалтинговая компания "M-Vector"

Команда количественного исследования:

Обследованием руководили:

Исенкулова Эльвира, Илибеева Лариса, Абдуллаева Гульхумар

Группа по подготовке аналитического отчета:

Сулайманова Гульсара, Торгашева Людмила, Багдасарова Нина, Праслова Лариса, Кочорбаева Зульфия, Карпович Евгения

Консультации по отраслевой статистике: Таипова Тамара, Турдубаева Чинара

Данные собрали: Канназаров Нурбек, Молдокабылова Жазгул, Бекташова Идеят, Орозбаева Гулмира, Бакытбеков Тилек, Нааматова Айнура, Тажибаева Толгонай, Шабданова Жумагул, Маматкулов Тологон, Каныметова Карлыгач, Ибраимов Болот, Качаганова Нестан-Дарежан, Эшенкулов Мирбек, Алмазбекова Нурперизатханбугул, Кожонов Асылбек, Абдыкеримова Айгул, Байбубаева Барахатхон, Эгембердиева Нурзат, Рахманжанова Махарам, Каримова Мархабахан, Акматов Рахмат, Камчыбекова Айгерим, Байбубаева Рахима, Шакирова Айэлес, Гапарова Парида, Артыкова Турдукан, Саитова Шажада, Шакирова Назгул, Нурматова Гулзат, Абдыкайымова Айгерим, Туракулов Батиржон, Муктаралиев Сапармурат, Шакулов Нурлан, Сайнидинова Анаркул, Муратбекова Салтанат, Капарова Айсулуу, Токтосунова Айгуль, Маатова Толгонай, Оморова Гулсана, Темирова Сабира, Жапарова Назира, Джумагулова Надира, Шатенова Чолпон, Маатов Азим, Иманова Жазгул, Кенешова Айканыш, Момылбаева Айсулуу, Качкынбаева Айнура, Садимова Гулнара, Баяманов Токторбек, Токторбаев Кубан, Бакашева Таалайкуль, Сабирбаева Алтынгиль, Султанкулова Нур, Иманалиева Уулжан, Темирбекова Асель, Касымова Зулайка, Каптагаева Мээрим, Назаралиев Нуржан, Кадырова Фатыйна, Турсунова Айнура, Сыдыкова Бактыгуль, Кабылбеков Медетбек, Аданова Чолпонай, Тохтарова Турдигул, Мурзарахим кызы Айзирек, Хамдамова Муяссархан, Жолдошова Аида, Бекмуратова Жумагул, Муратбек кызы Самара, Маматилла уулу Эдилбек

Координирование данных: Кобцова Лариса, Молдоканова Айгерим, Бувагатова Чолпон, Нургожоева Саламат, Дордоева Айгул, Капарова Зарина, Куздобаева Мээрим, Абдыкаимов Чингиз, Таалайбекова Нуржан, Абдыкеримова Бактыгуль, Бержибаева Замира, Эркинбек кызы Мээрим, Калдыбаева Клара

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Проведение исследования «Гендер в восприятии общества» (GSPS) является коллективным усилием, и мы искренне хотим поблагодарить многих людей, которые руководили, принимали участие и внесли бесценный вклад. Мы благодарим каждого, кто участвовал на этапах подготовки, сбора, обработки и анализа данных. Большую роль в реализации исследования сыграли:

Фонд Миростроительства ООН

Фонд Миростроительства ООН следует поблагодарить за щедрое финансирование, предоставившее возможность провести этот исследовательский проект, который также финансировался Структурой Организации Объединённых Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин «ООН-женщины».

Правительство

Кыргызской Республики

Мы хотели бы поблагодарить многие государственные учреждения Кыргызской Республики, поддержавших данное исследование. Мы хотели бы особо отметить помощь, которую оказало Министерство труда и социального развития, содействуя и участвуя в ключевых мероприятиях проекта. Мы также признаем и высоко ценим приверженность делу сотрудников Национального статистического комитета Кыргызской Республики, который был партнером по реализации количественного компонента.

Совместный координационный комитет

Совместный координационный комитет (СКК), под со-председательством Аппарата Президента и Постоянного координатора ООН, в состав которого входят государственные органы и организации гражданского общества и учреждения ООН, осуществлял надзор за выполнением GSPS. Мы благодарны членам СКК за мониторинг прогресса в достижении ключевых результатов.

Секретариат Совместного координационного комитета

Мы также благодарим Секретариат СКК за регулярное содействие заинтересованным сторонам и мониторинг прогресса в достижении результатов проекта, а также за повышение информированности общественности о совместных усилиях правительства и ООН по миростроительству в Кыргызстане, включая GSPS.

Респонденты исследования

Исследование «Гендер в восприятии общества» (GSPS) было бы невозможно без участия более 7000 граждан Кыргызстана, которые посвятили

свое время, энергию и мнения исследованию в качестве респондентов. Именно благодаря им мы смогли представить результаты и выводы в этом и других отчетах, относящихся к GSPS.

Партнеры - Агентства ООН

GSPS также пользовалось поддержкой и руководящими указаниями всех трех своих партнеров по реализации: ООН-женщины в качестве ведущего учреждения и координатора качественного компонента, ЮНФПА, который координировал количественный компонент, и МОМ, которая оказывала техническую поддержку общему исследованию. Мы также благодарим всех сотрудников ООН, которые поддержали работу, и сотрудников трех учреждений, которые предложили письменные материалы, комментарии, идеи и щедрые отзывы.

Консультативная группа заинтересованных сторон

Консультативная группа заинтересованных сторон (SAG) представляла широкий круг заинтересованных сторон, научно-исследовательских институтов, экспертов и субъектов гражданского общества. SAG служила платформой для многочисленных государственных и негосударственных заинтересованных сторон, чтобы информировать, советовать и консультировать по методологии и инструментам исследований, и, в конечном счете, утвердить их. Мы глубоко признательны тем, кто отдал свое время этому начинанию и продемонстрировал свою приверженность нашим совместным усилиям.

Команда исследователей

И, наконец, особые слова благодарности мы выражаем всей команде исследователей, как количественного и качественного компонентов. Без их самоотверженности подготовка настоящего отчета была бы невозможной. Мы с признательностью отмечаем значительный вклад команды по количественным исследованиям в подготовку количественного аналитического отчета, который был включен в настоящий отчет. Мы также благодарим группу, проводившую качественное исследование, за их комментарии, дополнения, а также за их собственные взгляды и подробные отчеты, которые были основой этого описания.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОССАРИЙ	8
СОКРАЩЕНИЯ	8
КЛЮЧЕВЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	9
ВВЕДЕНИЕ	11
1. Обзор литературы	13
2. Методология	19
3. Анализ и результаты	22
3.1. Миграция с целью расширения прав и возможностей и обеспечения безопасности	23
3.2. Миграция как «крайняя мера»	26
3.3. Трудовая миграция женщин как «морально неоднозначное» пространство	29
3.4. Риски и уязвимость женщин-мигрантов	30
3.5. Выработка женщинами устойчивости и другие положительные изменения	34
3.6. Пост-миграционный стресс и уязвимость	36
3.7. Общественные ожидания и требования	42
3.8. Влияние миграции на детей и учителей	45
3.9. Решение вопросов, связанных с общественными ожиданиями и рисками социального отторжения	48
3.10. Религия как способ преодоления кризисных ситуаций (копинга)	50
4. Заключение и рекомендации	52
ИСТОЧНИКИ	56

ГЛОССАРИЙ

<i>Ала качуу</i>	Похищение невесты
<i>Кайната</i>	Свёкор
<i>Кайнэне</i>	Свекровь
<i>Келин</i>	Переводится дословно как «невестка» или «невеста» (2004 г.). В работе Ривс (2004 г.) указано, что слово келин «может быть использовано в общем для обозначения молодых женщин, которые живут в «определённом домохозяйстве», но которое не является для них родным.
<i>Квартальные</i>	Главы местных территориальных единиц
<i>Новостройка</i>	Новое поселение внутри города или за его пределами
<i>Область</i>	Административная территориальная единица
<i>WhatsApp</i>	Приложение обмена сообщениями для мобильного телефона

СОКРАЩЕНИЯ

<i>АБР</i>	Азиатский банк развития
<i>ППД</i>	Пекинская платформа действий
<i>ФГД</i>	Фокус-групп дискуссия
<i>МФПЧ</i>	Международная федерация за права человека
<i>ФМС</i>	Федеральная миграционная служба
<i>АОП</i>	Агентство ЕС по основным правам
<i>GSPS</i>	Исследование «Гендер в восприятии общества»
<i>МОМ</i>	Международная организация по миграции
<i>ИДН</i>	Государственная инспекция по делам несовершеннолетних
<i>РКК</i>	Руководитель по вопросам контроля качества
<i>ПТСР</i>	Посттравматическое стрессовое расстройство
<i>НСК</i>	Национальный статистический комитет Кыргызской Республики
<i>ЮНФПА</i>	Фонд ООН в области народонаселения
<i>ООН-женщины</i>	Структура Организации Объединённых Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В настоящем отчёте проекта «Исследование восприятия гендера в обществе» (GPS) рассмотрено воздействие трудовой миграции из Кыргызстана на равенство женщин и расширение их прав и возможностей, а также её влияние на их безопасность в целом. В отчёте приводится вывод, что в то время как трудовая миграция может послужить опытом, расширяющим права и возможности для более образованных и экономически обеспеченных женщин, в отношении большинства опрошенных женщин она не делает ничего существенного для усиления чувства уверенности в собственных силах и расширения прав и возможностей, так как, находясь за границей, они продолжают ощущать себя ограниченными культурными нормами и ценностями. По возвращении в Кыргызстан некоторые из женщин могут извлечь выгоду из «постмиграционного роста» благодаря новым навыкам, экономической самостоятельности и уверенности, полученным за рубежом. Однако большее число женщин, вероятнее всего, столкнутся с постмиграционным стрессом, который ещё больше подрывает их чувство защищённости и самооценку. Существует очень мало политических мер (если они имеются) по обеспечению информацией и поддержкой женщин, заинтересованных в миграции, или предоставлению возвратившимся мигрантам гарантий быстрого получения доступа к социальным услугам, пенсиям и другим правам.

Трудовую миграцию часто описывают не как выражение свободной и независимой воли женщин, а как крайнюю меру, семейный механизм преодоления кризисных ситуаций (копинга), которую женщинам приходится выбирать вследствие экономической и финансовой необходимости. Трудовая миграция редко даёт женщинам возможность пересмотреть свои позиции в семьях и местных сообществах, и женщины-мигранты часто испытывают общественное давление соответствовать идеальному асексуальному стереотипу, в то же время продолжая выполнять свои традиционные гендерные роли и обязанности. Те, кто являются матерями, продолжают осуществлять виртуальную «эмоциональную работу по уходу» за своими детьми и другими членами семьи. Слишком часто женщины, находясь за границей, впоследствии теряют доступ к своим правам, так как они живут в стеснённых и антисанитарных условиях, подвергаются эксплуатации на работе и имеют недостаточный доступ к услугам здравоохранения. Настоящее исследование выявило всего лишь несколько случаев, когда денежные переводы помогли развитию мигранта или её семьи и общины.

Наличие образования, финансовых ресурсов и сетей поддержки за рубежом – все это может способствовать более положительному опыту миграции, в частности, лучшим перспективам трудоустройства, новым возможностям и

расширению прав. Некоторые женщины, сталкивающиеся с трудностями во время миграции, также способны создать новые механизмы сопротивления и преодоления стресса, которые затем трансформируются в «постмиграционный рост» по возвращении в Кыргызстан. Однако необходимо улучшить поддержку и условия для того, чтобы больше женщин могли трансформировать свой опыт миграции в расширение своих прав и возможностей.

Рекомендации по улучшению использования женской трудовой миграции в целях поддержки гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, а также повышения их чувства защищённости и способности вносить вклад в сохранение мира на уровне сообщества, включают:

- популяризацию профессионально-технического образования и подготовки кадров среди женщин и девочек с целью обеспечения их доступа к рабочим местам в формальном секторе за рубежом вместо того, чтобы выполнять «чёрную» работу в домохозяйствах. Это позволит девочкам и женщинам иметь равный доступ к более высокооплачиваемой работе на официальном рынке труда, где у них будет более эффективная социальная защита в отличие от домашней работы в частных домохозяйствах;

- предоставление большей государственной поддержки и консультаций потенциальным трудящимся мигрантам и возвратившимся мигрантам для обеспечения осведомлённости о своих правах и возможности получения доступа к услугам, в том числе услугам здравоохранения, социального страхования, гражданской документации (например, свидетельства о рождении) и правовой помощи. Это предварительное и последующее ориентирование должно учитывать более высокую уязвимость трудящихся женщин-мигрантов перед сексуальным насилием и торговлей людьми, но не сводить весь опыт женщин-мигрантов только к этим аспектам;
- включение гендерных вопросов и необходимость усиления защиты и улучшения услуг для женщин-мигрантов в двусторонние обсуждения по управлению трудовой миграцией между Кыргызстаном и странами пребывания, такими как Россия;
- организацию общественных информационных кампаний и кампаний по повышению осведомлённости о феминизации миграции и положительном вкладе, который может внести миграция в нексус «развитие-права» с целью преодоления широко распространённого негативного представления о женщинах, работающих за границей;
- поддержку структур и сетей наставничества между успешными женщинами-мигрантами и женщинами, собирающимися работать за границей. Поддержка в организации групп самопомощи женщин-мигрантов, объединений мигрантов и других неправительственных организаций, которые могут помочь женщинам отстаивать свои права и улучшить их доступ к расширению прав и возможностей.

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование изучает влияние трудовой миграции на благополучие и безопасность кыргызских женщин-мигрантов, их семьи и общины в течение различных этапов миграционного опыта. В данном отчёте особое внимание уделяется стратегиям женщин по преодолению кризисных ситуаций в целях устранения гендерно-специфических вызовов. Наши выводы показывают, что для женщин Кыргызстана трудовая миграция – сложное, динамичное и амбивалентное явление, порождающее гендерно-обусловленные преимущества и ограничения.

Международные договоры и национальные законы включают специальные положения по мигрантам в целом, но женщины «с трудом вписываются в эти структуры».¹ Отдел по улучшению положения женщин Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединённых Наций отметил в 2004 году, что подходы к документированию и пониманию международной миграции обычно не уделяют особого внимания миграции женщин, тогда как в рамках основных аналитических документов участие женщин в миграции либо игнорируется, либо опыт мужчин рассматривается как отражающий опыт всех мигрантов.² Но научные исследователи и специалисты начали выявлять важные и тесные взаимосвязи между гендером, трудовой миграцией и развитием. ООН-женщины и другие межправительственные организации призвали «государства обеспечить, чтобы особые нужды женщин и девочек рассматривались как часть новых глобальных договоров о беженцах, а также в целях безопасной, упорядоченной и регулярной миграции, во всех национальных и международных ответных политических мерах, и обеспечить специально выделенные человеческие и финансовые ресурсы для реагирования на эти потребности на практике».³ Авторы все чаще переводят внимание с гендерного неравенства между мужчинами и женщинами-мигрантами на акцентирование возможных преимуществ миграции для женщин, включая укрепление независимости, самостоятельности и изменения в гендерных отношениях.⁴ Некоторые подчёркивают способность женщин к самостоятельным действиям в качестве важного аспекта экономического развития тех стран, в которые они уезжают, и стран, где они родились и

жили, а также для политических процессов и социального развития в их сообществах.⁵

Постоянно растёт число независимых женщин-трудящихся мигрантов из Кыргызской Республики, они становятся кормильцами и обеспечивают свои семьи на родине. Имеющиеся источники по данной теме обычно сосредотачивают своё внимание на описании вызовов, трудностей и насилия, с которыми женщины-мигранты сталкиваются за границей и по возвращении. Эти рассказы представляют кыргызских женщин-мигрантов как жертв структурного, экономического и социального неравенства, которое лишает их реальной возможности защитить свои права. Способы, с помощью которых женщины-мигранты трудятся над улучшением своего уровня жизни и уровня жизни их семей, ищут возможности для саморазвития и противостоят дискриминации и эксплуатации, по большей части остаются неизученными. Потенциальное постмиграционное расширение их прав и возможностей не изучалось на систематической основе. Наша работа является ответом на эти пробелы в знаниях и проводит анализ реального опыта кыргызских женщин-мигрантов в период их подготовки к миграции, во время миграции и после возвращения. Данное исследование руководствовалось конкретными вопросами, такими как: 1) что влияет на принятие решений женщинами и их семьями мигрировать, 2) каким образом миграция приносит выгоду и 3) что можно сделать для улучшения перспективы расширения их прав и возможностей?

Для сбора количественных данных, необходимых для целей исследования, были изучены 18 конкретных примеров и проведены 27 фокус-групп дискуссий (ФГД) и 35 индивидуальных глубинных интервью с женщинами и мужчинами-мигрантами, их семьями и сообществами во всех регионах Кыргызской Республики.

1 Сеть женщин-мигрантов, 2017 г., стр. 1

2 http://www.un.org/esa/population/meetings/thirdcoord2004/P01_DAW.pdf

3 Совместное заявление Комитета по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей (CMW), Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (CEDAW), Структуры Организации Объединённых Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин (ООН-женщины) и Управления Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека (УВКПЧ), 19 сентября 2016 года.

4 Сеть женщин-мигрантов, 2017 г.

5 http://www.un.org/esa/population/meetings/thirdcoord2004/P01_DAW.pdf

Ключевые выводы исследования указывают на то, что женщины все чаще становятся независимыми мигрантами и кормильцами семьи. Их основной мотивацией служит стремление улучшить экономическое благополучие своих домохозяйств, но также все чаще встречаются и личные устремления. В отличие от первой когорты кыргызстанских женщин-мигрантов, возникшей после обретения страной независимости, сегодня более образованные, более обеспеченные городские женщины-мигранты чаще склонны к миграции по личным причинам. Эта группа женщин ищет лучшие рабочие возможности и более приемлемую для них социальную и культурную жизнь. Миграция может предложить уход от рисков и уязвимости на родине, обусловленных гендером, таких как брак по принуждению, жестокие мужья, насилие со стороны родственников и риск быть похищенной для принудительного вступления в брак. Наличие профессионального опыта до миграции, уровень образования и надёжные системы социальной поддержки женщин были очевидными факторами их успеха. По-видимому, те респонденты, которые могли мигрировать по сугубо личным причинам, с большей вероятностью могли извлечь пользу из этого опыта и обрести раскрепощение в своей дальнейшей повседневной жизни после миграции.

Что касается кыргызских женщин-мигрантов менее привилегированного социального происхождения, то их возможности для личного развития были менее очевидны. Женщины в этой группе сообщали, что их мотивацией послужили бедность и нужды семьи, и не акцентировали внимание на ожиданиях личностного роста.

Отсутствие акцента на ожиданиях, связанных с раскрепощением, было обусловлено культурными убеждениями о приемлемой работе и поведении женщин и мужчин. Для женщин эти убеждения базировались на понимании того, что их миграция является ничем иным как временным решением семейного кризиса, и кыргызские женщины лучше подходят для этой задачи, так как могут заниматься работой по уходу. Было очевидно, что культурные убеждения о надлежащем поведении женщин-мигрантов привели к стереотипным представлениям и стигматизации.

Отрицательный образ мог помешать молодым женщинам выйти замуж по возвращении или создать пагубную атмосферу в уже существующих семьях. Мы нашли доказательства психологического, физического, финансового и экономического насилия в некоторых домохозяйствах, в которых проживали возвращающиеся мигранты.

Это было особенно типично там, где женщины-респонденты считались «слишком независимыми» и «неконтролируемыми». Это создало враждебную среду для их реинтеграции. В других случаях сила, которую они обрели благодаря своему миграционному опыту, помогла некоторым женщинам противостоять насилию дома.

Женщины, с которыми были проведены интервью, очень много работали над тем, чтобы снизить вероятность негативных последствий миграции. К примеру, они тратили много времени и сил на поддержание тесных связей с членами своих семей. Они расширили понятие хорошего материнства для включения в него функции кормильца семьи, что требовало продолжительного отсутствия и пребывания в далёких местах. Они также выполняли «эмоциональную работу по уходу» посредством телефонных звонков, социальных сетей и вручения подарков. Женщины подчёркивали страдания, которые им пришлось пережить из-за расставания, а также способ, с помощью которого они сумели эффективно организовать заботу о доме, мобилизовав других членов семьи, в том числе мужей, бабушек, дедушек и старших детей, в особенности дочерей, для ухода за детьми младшего возраста и другими уязвимыми членами семьи. Женщины-респонденты также использовали различные методы для снижения угрозы подпорченной репутации на родине, например, путём дистанцирования от аспектов миграции, считающихся аморальными, эгоистичными или неженственными. Они применяли множество стратегий для собственной «десексуализации» с целью избежать каких-либо слухов, то есть, позиционировали себя в качестве асексуальных объектов, неспособных на сексуальные действия. Некоторые из них обратились в ислам по возвращении. Другие вовлеклись в общественный и политический активизм. Эти формы сопротивления и расширения прав и возможностей имели краткосрочное положительное воздействие. В долгосрочной перспективе беспокойство вызывает тот факт, что, подчёркивая свою роль в качестве женщин в своих семьях и свою миграцию как акт верности семье и самопожертвования, женщины-мигранты не могут полностью проявлять свою волю к независимости и самостоятельности или максимизировать преимущества миграции.

Отчёт завершается конкретными рекомендациями по разработке политических мер и практических действий для более широкого применения полученных полезных уроков, и устранения конкретных областей, вызывающих озабоченность.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Лица, формирующие политику, и научные исследователи всё чаще признают важность гендерного измерения причин и последствий международной миграции (Морено, 2006 г.). Нью-Йоркская декларация, принятая на Саммите ООН по беженцам и мигрантам в 2016 году, содержит многочисленные упоминания о женщинах-мигрантах, а государства-члены выражают приверженность «признанию и принятию шагов для устранения особой уязвимости женщин и детей, находящихся в пути из страны происхождения в страну прибытия. Это включает потенциальную угрозу стать жертвами дискриминации и эксплуатации, а также сексуальных, физических или психологических надругательств и насилия, торговли людьми и современных форм рабства». Государства также заявляют, что они «будут обеспечивать, чтобы при осуществлении мер, принимаемых ими в связи с перемещениями больших групп беженцев и мигрантов, учитывались гендерные аспекты, поощрялось гендерное равенство и расширялись права и возможности всех женщин и девочек и гарантировались полное уважение и защита прав женщин и девочек».⁶

К примеру, международная организация по миграции (МОМ) позиционирует гендер как одну из основных призм, которые необходимо применять для понимания и решения вопросов международной миграции:

Гендер – это сквозной вопрос миграции и, возможно, один из самых важных, если не самый важный, фактор, формирующий миграционный опыт. В исследованиях по миграции были сделаны существенные шаги, что привело к накоплению большого объёма литературы, а также полевых исследований, которые ясно установили, что гендер – это решающий фактор в нашем понимании причин и последствий международной и внутренней миграции и что он имеет значение для большинства, если не для всех аспектов миграции (МОМ, 2009 г., с. 9).

Исследования, сосредотачивающиеся на изучении взаимосвязей между гендером и миграцией, подчёркивают, что опыт миграционных процессов женщин и мужчин различается из-за социально приписываемых ожиданий, связанных с гендером, и что гендер формирует возможности, уязвимости и повседневную практику, связанные с миграцией (Уалдо, 1995 г.; Донато, 1992 г.; Ойши, 2005 г.; Габачча и др., 2006 г.). Авторы утверждают, что гендерные различия очевидны на всех этапах миграции: при въезде и выезде и в течение всего процесса работы за рубежом (ООН, 2006 г.). К примеру, было обнаружено, что в странах Юго-Восточной Азии участие в международной трудовой миграции женщин и мужчин мотивируется различными потребностями в рабочей силе. Мужская миграция была ответом на потребность занять трудовую нишу, которую местное население в стране назначения считало

нежелательной. Женская миграция отражала тенденцию в западном полушарии переноса бремени домашнего труда с более состоятельных женщин на женщин-мигрантов (Асис, 2006 г.). Женщины, занимающиеся нерегулируемым «частным» домашним трудом и работой по уходу, особенно уязвимы перед насилием вследствие неравных властных отношений, ограниченного доступа к информации, ограниченной самостоятельной свободе передвижения, а также из-за невидимого характера их работы.

Исследование денежных переводов трудящихся мигрантов показало, что гендер также формирует связанные с ними практики (Галлардо, 2006 г.). Ожидается, что в 2016 году женщины перешлют свыше 300 миллиардов долларов – половину всех мировых денежных переводов.⁷ Но существуют гендерные различия: мужчины чаще всего пересылают деньги супругам, тогда как женщины в основном высылают заработок своим детям и родителям. На основе данных из Доминиканской Республики Морено (2006 г.) показано, что женщины более склонны тратить денежные переводы на улучшение домашнего хозяйства, образование детей и здоровье. Также выявлено, что в результате как отправки, так и получения денежных переводов женщины могут достичь самостоятельности и более весомого положения для пересмотра полномочий внутри семьи. Литература в области развития подчёркивает роль образования в гарантии достижения женщинами-мигрантами успехов в трудоустройстве, экономическом и политическом участии и других

⁶ <http://refugeesmigrants.un.org/declaration>

⁷ <http://ir.westernunion.com/News/Press-Releases/Press-Release-Details/2016/Western-Union-Pays-Tribute-to-Global-Women-Work-Force-as-World-Economic-Change-Agents-and-Calls-for-Greater-Recognition-and-Integration/default.aspx>

жизненных возможностях (Бойд, 2006 г.). В литературе также отмечается важность благоприятных условий для гендерного равенства с целью укрепления прав женщин (Асис, 2006 г.)

По оценкам ООН, женщины составляют почти половину из 244 миллионов мигрантов по всему миру. Растущее число женщин-мигрантов не обязательно автоматически ведёт к большему равенству женщин и мужчин-мигрантов (Орозко, 2006 г.). Исследователи и профессиональные эксперты прогнозируют, что миграция будет расти, а бедность будет продолжать служить основным движущим фактором миграции женщин до тех пор, пока условия в странах их происхождения не улучшатся (Бойд, 2006 г.). Для женщин-мигрантов ситуация будет также зависеть от уровня гендерного равенства в стране назначения (Морено, 2006 г.). Тем не менее, направляющие и принимающие страны редко учитывают особую уязвимость и нужды женщин и девочек при разработке ответных политических мер и программ по миграции.

Возможности, которые предоставляет миграция для расширения прав и перспектив женщин, благополучия семьи и социального и экономического развития, частично зависят от соответствия политики и институциональных и общественных мер по реагированию на проблемы женщин-мигрантов международным стандартам прав человека, закреплённым в международных договорах по правам человека, в том числе инструментах Международной организации труда (МОТ). Кыргызстан – участник основных международных договоров по правам человека, включая Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Конвенцию о правах ребёнка. Он ратифицировал Конвенцию ООН по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей. Кыргызстан ратифицировал восемь основных конвенций Международной организации труда, в том числе Конвенцию о миграции в целях трудоустройства, но не Конвенцию МОТ о трудящихся мигрантах 1975 года, Конвенцию МОТ о частных агентствах по трудоустройству 1997 года или Конвенцию МОТ о домашних работниках 2011 года.

Национальная политика и законодательная база, позволяющие эффективно регулировать миграцию и защиту прав мигрантов, все ещё находятся на стадии разработки. В 2004 году была разработана Концепция государственной политики Кыргызской Республики по миграции, за чем последовало принятие Государственной программы по регулированию миграционных процессов на 2007-2010 гг. В 2006 году был принят Закон «О внешней миграции», который стал основным национальным инструментом регулирования такой формы миграции. В настоящее время Государственная служба миграции под руководством Правительства Кыргызской Республики работает над государственной политикой в области миграции до 2030 года. В 2012 году Департамент внешней миграции Министерства иностранных дел Кыргызской Республики разработал Стратегию регулирования внешней трудовой миграции в Кыргызской Республике на период до 2020 года. Стратегия определяет приоритетные направления в ключевых сферах, в том числе: развитие новых рынков труда, повышение занятости внутри страны, обеспечение экономической, социальной и правовой защиты мигрантов и т.д. Были предприняты попытки разработать стандарты и административные процедуры для обеспечения кыргызских трудящихся мигрантов информационной поддержкой. Эти стандартизированные услуги были направлены на обеспечение безопасности и трудоустройства уезжающих трудящихся мигрантов, «в особенности, молодёжи и женщин» (Чудиновских и др., 2013 г., с. 6). Были разработаны руководящие принципы для содействия учреждениям, таким как агентства по трудоустройству, в использовании стандартизированных услуг. Однако эти попытки не были подкреплены конкретными действиями (Чудиновских и др., 2013 г., с. 6).

Регулирование трудовой миграции из Кыргызстана в страны Содружества независимых государств (СНГ) осуществляется на основе законодательных рамок, содержащихся в межгосударственных соглашениях стран Содружества. Помимо прочего, сюда входят Конвенция СНГ о правовом статусе трудящихся мигрантов и членов их семей (2008 г.) и Соглашение о сотрудничестве в сфере трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов (1994 г.). Также имеются двусторонние соглашения между Кыргызской Республикой и Россией (например, по трудоустройству и социальной защите трудящихся мигрантов (1996 г.)). Однако нормативная база, регулирующая миграционные процессы, подвергалась критике за отсутствие возможности приведения её в

исполнение вследствие абстрактной формулировки, устаревших понятий и непоследовательности в применении концептов и терминологии в сравнении с международно-признанными документами (Чудиновских и др., 2013 г.). Трудовая миграция не была достаточным образом отражена в страновой стратегии развития Кыргызской Республики на 2013-2017 гг., хотя стратегические приоритеты политики в области миграции будут включены в Национальную стратегию устойчивого развития после 2017 года (Инновационные решения, 2014 г.).

В то же время значительная доля граждан Кыргызстана все больше и больше вовлекается в глобальную экономику, и их напрямую затрагивает развитие событий на международных рынках труда. Первая волна трудовой миграции пришлась на середину 90-х гг., в основном в виде так называемого «шаттла» торговли, когда в основном женщины ездили на автобусе в Турцию, Россию, Польшу или Китай и закупали там товары для перепродажи на родине (Тьем, 2008 г.). Вторая волна трудовой миграции началась в начале 2000-х годов, и её можно объяснить растущей бедностью. Мигранты уезжали на продолжительные периоды времени с целью трудоустройства в стране назначения (Чудиновских и др., 2013 г.). 2006 год теперь признается поворотным, так, как только с этого года этнические кыргызы начали составлять большую часть мигрантов. Более ранние потоки миграции в основном состояли из представителей других этнических групп (не кыргызов) (МФПЧ, 2016 г.).

Сегодня из населения почти в 6 миллионов от 650 000 до 700 000 кыргызских граждан живут и работают за границей в качестве трудящихся мигрантов, в основном в России и в меньшей степени – в Казахстане (Государственная служба миграции при Правительстве Кыргызской Республики, 2017 г.). Приблизительно 50 000 граждан Кыргызстана ежегодно покидают страну с целью работы за границей (Государственная служба миграции при Правительстве Кыргызской Республики, 2017 г.). Исследования показали, что наибольшее количество мигрантов – это выходцы из южных областей страны с самыми высокими уровнями бедности (Министерство миграции, труда и молодёжи Кыргызской Республики, 2014 г.). Хотя основной мотивацией служили экономические тяготы (Могилевский, 2005 г.), было также выявлено, что денежные переводы способствуют повышению финансовой зависимости среди экономически неактивной доли населения (АБР, 2014 г.).

Было подсчитано, что около 75 процентов кыргызских мигрантов – это лица младше 35 лет (Тьем, 2008 г.). В 2013 году Национальный институт стратегических исследований КР обнаружил, что более 30 процентов мигрантов имеют высшее образование, а свыше 50 процентов получили среднее образование. Однако менее 13 процентов работали в секторах, которые были связаны с их образовательной или профессиональной квалификацией (МФПЧ, 2016 г.). Наиболее частые сферы трудоустройства мужчин включают строительство, торговлю, промышленность и сельское хозяйство (МФПЧ, 2016 г.). Женщины по большей части трудятся в секторе услуг, кейтеринга, текстильной промышленности, а также в качестве домашних работниц (МФПЧ, 2016 г.). Большинство людей (свыше 80 процентов) находят работу при помощи родственников, друзей и знакомых (МФПЧ, 2016 г.). Как сообщается, всего лишь 3 процента трудящихся мигрантов нашли работу через Государственный центр трудоустройства (под эгидой бывшего Министерства труда, миграции и молодёжи – ныне Государственная служба миграции).

В 2011 году денежные переводы в Кыргызстан составили 15 процентов от валового внутреннего продукта (ВВП) (Всемирный банк, 2011 г.). В 2015 году Кыргызстан занимал второе место среди стран, получающих наибольший объем денежных переводов; денежные переводы составили до 30 процентов от ВВП (Всемирный банк цит. в МФПЧ, 2016 г.). Заработок мигрантов содействовал значительному снижению крайней бедности от 42.2 процентов населения в 2000 году до 2.9 процентов в 2012 году.⁸ Но около трети кыргызского населения все ещё проживают за национальной чертой бедности (МОТ, 2016 г.). Политическая нестабильность в Кыргызстане, пережившем народные революции в 2005 и 2010 годах, которые привели к свержению действующего президента и сопровождалась насилием по этническому признаку во втором случае, также способствовала потокам эмиграции.

Важно помнить, что Кыргызстан является одной из всего лишь пятидесяти одной страны, подписавших Международную конвенцию по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей (1990 г.). В то время как конвенция, главным образом, затрагивает обязательства стран, принимающих мигрантов, она также подтверждает права женщин- и мужчин-мигрантов на недискриминацию, равную оплату и условия

⁸ Живущие на менее чем 1.90 доллара США в день.

работы, медицинские услуги, культурную идентификацию и государственную защиту от запугиваний и насилия. Сама по себе она подразумевает то, что возвращающиеся женщины-мигранты не могут подвергаться дискриминации в Кыргызстане только потому, что они покинули свои семьи и сообщества, в том числе своё прежнее место работы и/или частное предприятие. Общая рекомендация № 26 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) ещё яснее обозначает уязвимость женщин-мигрантов и призывает страны их происхождения, транзита и назначения принять её во внимание при разработке политических мер. Общая рекомендация указывает на то, каким образом в странах происхождения, таких как Кыргызстан, у женщин может «отсутствовать достоверная информация о миграции, которая приводит к повышенной уязвимости перед работодателями», или что они могут пережить стигматизацию по возвращении, и рекомендует расширить обучение для потенциальных мигрантов и лиц, предоставляющих юридические услуги, а также мониторинг кадровых агентств.⁹ Такие обязательства со стороны государства крайне важны, так как число женщин-мигрантов, стремящихся работать за рубежом и самостоятельно покидающих страну, продолжает стабильно расти.

Согласно приблизительной оценке, в 2015 году женщины составили 59,6 процентов мигрантов из Кыргызстана (ООН, 2015 г.). В России женщины составили почти 40 процентов от числа кыргызских мигрантов (МФПЧ, 2016 г.). Из них 48 процентов не сопровождалась другими членами семьи. Среди замужних женщин-мигрантов 82 процента находились в миграции без сопровождения мужей (Министерство труда, миграции и молодёжи Кыргызской Республики, 2016 г.). Феминизацию миграции в Кыргызстане связывают с феминизацией бедности в стране. Также следует отметить, что в северных регионах Кыргызстана самостоятельная миграция женщин считается более приемлемой, чем на юге страны, где существует большая вероятность того, что женщины столкнутся с общественным порицанием (МФПЧ, 2016 г.).

⁹ Более того, рекомендация 201 Конвенции № 189 Международной организации труда о достойном труде для домашних работников (2011 г.) признает, что страны происхождения также играют ключевую роль в гарантировании прав своих граждан за рубежом, призывая их информировать потенциальных мигрантов об их правах, создавать фонды правовой помощи, обеспечить доступ к социальным услугам и предоставить специализированные консульские услуги.

Обзор литературы о кыргызской женской миграции обнаруживает склонность научных исследователей и практикующих специалистов сосредотачивать своё внимание на теме через призму структурного, экономического и социального неравенства, с которым сталкиваются женщины во время своего пребывания за границей, что лишает их возможности отстаивать свои права. Кыргызские женщины-мигранты описываются как вдвойне уязвимые и как потерпевшие вследствие различных нарушений прав (МФПЧ, 2016 г.). Было обнаружено, что при отсутствии надлежащих документов (что применимо к 60 процентам кыргызских мигрантов) они с более высокой вероятностью сталкиваются с нарушениями своих прав (МФПЧ, 2016 г.). Было выявлено, что, когда мигранты сталкивались с насилием, они не обращались за помощью к местным властям, а некоторые из обратившихся сообщали о плохом отношении с их стороны. Примерно 55 процентов женщин-трудящихся мигрантов в России сообщали, что испытали наихудшее отношение со стороны городской полиции, тогда как 28 процентов сообщили то же самое о Федеральной миграционной службе России («Central Asia on the Move», 2015 г.). Женщины в миграции сталкивались с гендерным неравенством и экономической дискриминацией. Для примера, в 2008 году заработок женщин-мигрантов составил 63 процента от заработка мигрантов-мужчин, хотя женщины-мигранты чаще всего более образованы, чем мужчины (Тюруканова, 2011 г.). Риски для женщин включают психологическое, физическое и сексуальное насилие, эксплуататорские рабочие условия, ненадлежащие условия проживания и отсутствие доступа к здравоохранению и правосудию (МФПЧ, 2016 г.). Насилие в отношении кыргызских женщин-мигрантов со стороны кыргызских мужчин стало тенденцией, вызывающей тревогу. К примеру, криминальные насильственные действия, совершаемые членами радикальной группы «Патриот», состоящей из кыргызских мигрантов-мужчин, направлены именно на женщин-мигрантов и именуются «дисциплинарными» мерами (Бейшенбек кызы, 2012 г.).

МФПЧ (2016 г.) обнаружила, что внутри Кыргызстана массовый миграционный отток рабочей силы способствовал росту случаев похищения невест, полигамии и незарегистрированных браков. Женщины, выходящие замуж в таких условиях, часто не имеют социальной защиты и финансовых средств и могут сталкиваться с насилием в доме родителей мужа. Развод может поставить их в ещё более ненадёжное положение. В том же отчёте

утверждается, что феминизация миграции привела к росту случаев брошенных детей, которые затем сталкиваются с ограниченным доступом к услугам здравоохранения, образования, плохим обращением и сексуальным насилием. В других источниках также предполагается, что дети платят особо высокую цену за отсутствие родителей. По словам Дамиры Ниязалиевой, вице-премьерминистра по социальным вопросам, около 6700 детей внутренних мигрантов остались без внимания из-за отсутствия родителей (Акипресс, 2015 г.). Было выявлено, что у детей мигрантов нет доступа к непрерывному образованию и надлежащему медицинскому уходу, а также что они лишены достойных условий жизни (АУЦА, 2013 г.). Исследование о Кыргызстане Крёгера и Андерсона (2011 г.) показало, что успеваемость среди мальчиков из семей мигрантов в возрасте от 14 до 18 лет была ниже уровня академической успеваемости других групп детей. Девочки в таких домохозяйствах чаще недоедали. В целом, исследование показало, что денежные переводы не содействовали повышению человеческого капитала детей, оставленных дома (Крёгер и Андерсон, 2011 г.).

На фоне ожиданий продолжающейся феминизации миграции (Морено, 2006 г.) необходимо провести дополнительные исследования и анализ, чтобы расширить понимание взаимосвязи между гендерной проблематикой, безопасностью и трудовой миграцией и рассмотреть их не только с точки зрения уязвимости женщин-мигрантов, но и как источник силы и позитивного социального и экономического вклада. В целом, исследования, изучающие миграцию с точки зрения её

возможностей для развития женщин, встречаются редко. К примеру, политические, экономические и социальные формы насилия, заставляющие женщин мигрировать, остаются недостаточно изученными (ООН, 2006 г.). Это вызывает сожаление, так как мы видим из этих редких исследований в Кыргызстане, что миграция может, к примеру, освободить женщин от контроля и наблюдения со стороны их семей и родных общин и от давления соответствовать традиционному выбору брака, карьеры и деторождения («Инновационные решения», 2014 г.). Кроме того, мы знаем из работы Исмаильбековой (2014 г.), каким образом женщины старшего возраста, остающиеся дома, могут использовать мужское отсутствие для усиления собственного статуса и власти для принятия решений в своих домохозяйствах.

Данное исследование продолжает это направление и проводит анализ из активного противостояния женщин тяготам, тех способов, которые они придумывают для борьбы с системными рисками, и возможностей для преобразующих жизнь решений и развития, которые затем отражаются в повышении благополучия их домохозяйств и общества в целом. Общей целью этого исследования является выявление, систематизация и описание такого опыта для того, чтобы позволить голосам людей быть услышанными. Наши выводы демонстрируют, что трудовая миграция в Кыргызстане гендеризована и влияет на модели женственности и мужественности, патриархальные проявления и свободу действий, доступных женщинам для сопротивления, приспособления и оспаривания.

The image features a solid blue background in the upper half and a solid green background in the lower half. A large, light blue arc is positioned in the upper right quadrant, curving downwards. A large, light green shape, resembling a stylized '4' or a thick, curved line, is positioned in the lower half, extending from the bottom left towards the center. The word 'МЕТОДОЛОГИЯ' is written in white, uppercase letters, underlined, and positioned in the upper left quadrant of the blue background.

МЕТОДОЛОГИЯ

МЕТОДОЛОГИЯ

В данном исследовании использовались два основных метода сбора данных: фокус-групп дискуссии и глубинные интервью. Подход изучения конкретных случаев был также использован для отражения социальной динамики в семьях мигрантов. Фокус-групп дискуссия (ФГД) – форма интервью в группе, в которой участникам схожего происхождения задаются вопросы об их восприятии, убеждениях, поведении и оценке определённого явления на систематической основе. База данных состояла из 27 ФГД, 8 из которых проводились с участницами, имеющих опыт миграции, и 19 из которых в основном состояли из жителей различных регионов исследования. В каждой фокус-группе было от четырёх до двенадцати участников. Некоторые из групп состояли исключительно из мужчин или женщин, тогда как другие были смешанными.

Было проведено тридцать пять глубинных интервью с женщинами-мигрантами, их семьями и членами сообществ. Посредством глубинных интервью исследователи получили данные о субъективном опыте, убеждениях, мышлении, мотивации, стремлениях респондентов и т.д. в конкретных обстоятельствах, в которых они оказались.

Подход изучения конкретных случаев, использованный в исследовании, позволил провести глубинное изучение 18 семей, члены которых были или являются трудящимися мигрантами. В общем, 18 конкретных случаев охватывают 88 интервью.

В географическом плане в данном исследовании представлены все семь областей страны и два главных города (Бишкек и Ош). В каждом из этих девяти регионов было проведено по два глубинных интервью, три фокус-группы и изучено два конкретных случая. Полевая работа проводилась в декабре 2015 года группой из восьми полевых исследователей. Каждая из полевых исследователей получила соответствующую подготовку и работала в одной из двух команд по четыре человека. Руководитель по вопросам контроля качества (РКК) осуществляла ежедневное наблюдение за полевой работой с помощью телефона и двух мониторинговых визитов на места. Конкретные места проведения сбора данных включали¹⁰:

Город Бишкек и районы Тынчтык, Кудайберген, Кок-Жар, Ала-Тоо;

Баткенская область: город Баткен, село Уч-Коргон, село Кара-Бак;

Чуйская область: город Токмок, село Кара-Добо, село Айдаркен;

Иссык-Кульская область: город Каракол, село Ырдык, село Тюп;

Джалал-Абадская область: город Джалал-Абад, Масы, село Базар-Коргон, село Сузак;

Нарынская область: город Нарын и село Кочкор;

Ошская область: город Узген, село Ноокат; город Ош и район Ак-Тилек;

Таласская область: город Талас, село Кызыл-Октябрь.

Все интервью и заметки были транскрибированы для последующего анализа количественных данных. Транскрипты были загружены в программу компьютерного обеспечения MaxQDA, которая делает возможным тематический анализ при содействии программы. Это осуществлялось двумя командами, состоящими из двух-трёх кодировщиков и одного национального аналитика. Более конкретно, они занимались определением, изучением и записью возникающих и повторяющихся тенденций, предметов и тем. Далее эти темы были объединены в более крупные фрагменты для анализа и обобщения. Подход основывался на полученных данных, и аналитические продукты разрабатывались по принципу «снизу вверх». Все транскрипты были анонимизированы в целях защиты личности участников.

Перед тем как представить наши выводы, важно отметить, что наш анализ основан на эмпирическом качественном и более детализированном полевом материале. Мы не имеем в виду, что женщины, с которыми были проведены интервью в рамках исследования, представляют всех женщин-трудящихся мигрантов в Кыргызстане, и мы с осторожностью относимся к обширным количественным обобщениям на основе нашей полевой деятельности. Но мы убеждены, что каждый опыт уникален и что в целом истории, которые мы собрали, усиливают голос трудовых мигрантов-женщин. Мы верим, что различный опыт женщин-мигрантов отражает тенденцию, согласно

¹⁰ Из-за чувствительного характера информации, полученного в ходе исследования, и упоминания названий сёл и районов, в целях защиты анонимности респондентов, в этом отчёте не будут указываться места их проживания.

которой женщины умалчивают о своей жизни в миграции и потребности быть лучше понятыми. Эти обычно неслышные голоса важны, потому что, когда мы их слышим, они раскрывают значение инклюзивности и отчуждения для этих женщин. Важно то, что наш анализ был посвящён поиску золотой середины между позиционированием женской трудовой миграции либо как пространства раскрепощения женщин, либо исключительно как

опыта, лишаящего их прав и возможностей. Помимо этого, настоящее исследование было подкреплено масштабным количественным исследованием (национальным опросом), проведённым Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики в сотрудничестве с Фондом народонаселения ООН в Кыргызстане в 2015 году.¹¹

¹¹ В этом отчёте содержатся ссылки на данные ЮНФПА и НСК (2016 г.)

A large, stylized number '3' is centered on the page. The top half of the '3' is blue, and the bottom half is green. The number is composed of thick, rounded strokes. The background is split horizontally: the top half is blue and the bottom half is green.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно Государственной службе миграции при Правительстве Кыргызской Республики (2017 г.), рост числа женщин-мигрантов объясняется «семейной миграцией», в то время как передвижение женщин через границы Кыргызстана в основном представляется как связанное с мобильностью мужей и местами их временного проживания¹². Подобное объяснение женской миграции основано на господствующей гендерной парадигме, которая рассматривает независимую миграцию мужчин в качестве социальной нормы, в то время как мобильность женщин зависит от местонахождения их мужей. В противоположность этому, наши результаты демонстрируют, что модели международной экономической мобильности женщин являются гораздо более разнообразными и все реже зависят от физического местонахождения или отсутствия их партнёра-мужчины. Респонденты, как правило, объясняют своё отличное от других поведение результатом исключительных жизненных обстоятельств. Женщины-мигранты более старшего возраста, покинувшие свою родину в начале 1990-х годов после развала Советского Союза, подчёркивали крайнюю бедность в качестве главного мотивирующего фактора, который не оставил им выбора:

Мы реально... фактически, даже на хлеб... у нас, честно говоря, не было денег... Мы не могли позволить себе купить муку. Я не могу сейчас вспомнить, сколько это тогда стоило, но просто помню, что она была дорогой. Много людей уезжало. И я тоже захотела. Я сказала: «Я должна поехать, я должна вытащить нас из этого ужаса». Наша ситуация была такой, что я уехала, даже не раздумывая. Что касается меня, я была счастлива, что у нас был этот шанс. Это было как соломинка для утопающего. (Женщина-мигрант).

Часто бывали дни, когда мы ели одну лепёшку в день. Поэтому мы решили, что я должна пойти работать. Поэтому я пошла. Это было только из-за финансов, только из-за денег. Никто не пошёл бы ради хорошей жизни... только из-за денег. (Женщина-мигрант).

Очевидно, что для данной группы женщин-мигрантов, т.е. первой когорты после обретения страной независимости, отсутствие финансов для обеспечения выживания было настолько острым, что следование «идеальным» гендерным общепринятым нормам означало бы сознательное усугубление бедности, в которой жили их семьи.

Наши данные показывают, что сегодня мотивы для трудовой миграции более разнообразны, хотя вызванная бедностью женская миграция все ещё широко распространена среди наших респондентов. По всей стране существовало общее

убеждение (у 84 процентов мужчин и женщин), что трудовая миграция «улучшит финансовое благосостояние семьи» (НСК и ЮНФПА, 2016 г.). В дополнение к этому, наши данные демонстрируют, что крайняя нищета может фактически поставить женщин-мигрантов под угрозу большей уязвимости во время миграции.

Миграция с целью расширения прав и возможностей и обеспечения безопасности

В то же время мы выявили в нашей выборке более молодую, экономически и социально более обеспеченную группу женщин среди новой категории мигрантов. Данную когорту объединяли следующие основные демографические характеристики: возраст 28-45 лет, городские жители, выпускники университетов и более высокий экономический статус. Для них независимая трудовая миграция могла быть осознанным решением в погоне за собственными устремлениями, мечтами и интересами. Для некоторых женщин в данной категории трудовая миграция предоставила практический путь по уходу от местных ограничений, которые мешали достижению их целей. Например, молодая незамужняя горожанка - специалист русской национальности¹³ - мигрировала с целью удовлетворения своих стремлений к более высокооплачиваемой работе, личной, профессиональной и общественной жизни:

¹² «Обзор ситуации с миграцией в Кыргызской Республике», доступно по ссылке <http://www.mz.gov.kg/reports/view/2>

¹³ Мы указываем национальность данного респондента для того, чтобы подчеркнуть её знание языка, на котором говорят в стране назначения.

Я не могу сказать, что моё решение [мигрировать] было только для зарабатывания денег. Я получала хорошие деньги здесь [в Кыргызстане]. Я приняла это решение импульсивно. Я устала работать здесь с трудными детьми [в местном НПО]. Я уехала, чтобы избежать профессионального перегорания. Мне нужно было сменить обстановку. Это было больше мне не интересно. Я перестала расти профессионально. Мне хотелось чего-то другого. Я подумала, почему бы мне не поехать в Россию? У меня там была кое-какая поддержка. У меня там брат и сестра. Поэтому я просто уехала, но не как трудовой мигрант. Я хотела найти работу, на которой я могла бы работать пять дней в неделю, где у меня был бы обеденный перерыв. Где я могла бы работать до шести вечера и после этого быть свободной. Я хотела иметь выходные по субботам и воскресеньям, иметь отпуск, поехать увидеть море. Это было моей целью. И я нашла такого рода работу, где я работала пять дней в неделю, развлекалась, путешествовала, ходила в музеи и театры...

Несомненно, что преимущества и слабости мигрантов в период до миграции существенно влияли на их способность использовать трудовую миграцию для обогащения своей жизни через возможности, недоступные в родной стране. Среди этих жизненно важных аспектов были университетское образование, знание языков, профессиональный опыт и навыки, социальная поддержка, финансовая стабильность и внутренняя мотивация к личному успеху. Хотя опыт респондентки, история которой представлена выше, не являлся типичным для наших данных, мы, тем не менее, смогли установить, что женщины, у которых были преимущества в период до миграции, смогли под видом трудовой миграции избежать гендерных рисков и уязвимости на родине, смогли не подвергаться давлению и семейным проблемам, таким как принудительный брак, жестокие мужья, жестокое обращение со стороны родственников и угроза стать жертвой похищения невест. Для обоснования этого вывода в разделе ниже мы представили конкретные примеры из нашего банка историй реальных женщин.

Мы начнём с одной из респонденток, молодой женщины-мигранта, решение выехать на заработки которой было мотивировано нежеланием выходить замуж:

Я получила диплом университета по бухгалтерскому учёту. В день выпуска мне

сказали, что меня выдадут замуж. Две мои старшие сестры были похищены с целью замужества, и мне была уготована такая же судьба. Несколько семей пытались женить своих сыновей на мне, но я отказалась. Я поговорила с моей тётёй (которая находилась за границей в это время) и спросила, есть ли работа для меня. Оказалось, что у них есть работа для меня, и я быстро уехала.

Другая женщина решила уехать, чтобы избежать рискованного брака, связанного с полигамией:

Мне предложили возможность стать второй женой. Вы знаете [подобные вещи происходят], верно? Я развелась, но я не могла стать второй женой потому, что у меня было два маленьких мальчика. Я думала о том, как я смогу привести их в дом незнакомца. Кто будет счастлив? Сегодня люди не могут прокормить своих собственных детей. Они [семья ухаждёра] пришли ко мне. Они сделали мне предложение и пообещали «золотые горы». Я решила не становиться второй женой. К тому времени я была уже опытной женщиной. Я повидала многие вещи и больше не была глупой. Я знала, во что это может превратиться. Поэтому я решила делать все сама.

Для этой респондентки её собственный переезд и переезд её детей помогли избежать непрекращающегося давления со стороны местной общины вступить в брак, который, как она знала, будет пагубным для неё и её детей.

В другом интересном случае женщина-мигрант заставила свою собственную дочь уехать из-за страха, что её похитят. Физический отъезд дочери из опасного места представлялся гораздо более эффективным решением, чем нахождение матери в Кыргызстане для её охраны:

Я никогда не хотела забирать свою дочь с собой [в Россию]. Я не хотела вывозить её в Россию таким образом. Когда я вернулась домой, она уже заканчивала школу. Мы пришли на её выпускной. У кыргызов существует странный обычай, называемый «ала качуу» [похищение невесты]. Я слышала к тому времени, что это случалось то там, то здесь. Они [похитители и их семьи] выжидают, пока девушки на выпускном, и похищают их сразу же после него. Мы решили, что я должна вернуться в Россию и забрать ее с собой. (Женщина-мигрант).

В данном случае соображения безопасности однозначно были мотивацией для трудовой миграции. Поиски физически и психологически более безопасной жизни были явным мотивирующим фактором во многих интервью. Обеспокоенность женщин неудовлетворительным семейным положением дома подтолкнула их принять решение уехать в миграцию. Их неудовлетворённость варьировалась от вопиющих случаев бытового насилия до психологического насилия со стороны родственников или стресса в ситуациях в период после развода. Для нескольких из женщин, пожелавших рассказать нам свою историю, миграция явно была способом уйти от жестоких мужей, партнёров и членов семьи. Ниже представлены некоторые выдержки из этих интервью. Эта женщина говорит о жестоком обращении со стороны мужа в качестве одного из факторов, которые вынудили её уехать за границу:

Это просто разумно. Человек, который пьёт [её бывший муж], не может быть безопасен. Он становится агрессивным. Мы пережили это. Побои. В присутствии детей... Мне, конечно, это не нравилось. Я должна была... Я вынуждена была в конце... развестись с ним. После чего он начал звонить мне, продолжал писать мне смс... Поэтому дома моя семья решила отгородить меня от него. Они сказали мне: «Он не оставит тебя в покое», - и отправили меня в Москву. Итак, в результате общего семейного совета они отправили меня в Москву. (Женщина-мигрант).

Мы узнали, что решение этой женщины уехать было также подкреплено знанием того, что её бывший муж не сможет последовать за ней, так как его свобода передвижения была ограничена из-за отсутствия у него надлежащих документов. Несколько иная семейная ситуация представлена ниже. Здесь муж респондентки отсутствовал, но центральной фигурой беспокойства являлась свекровь опрошенной; свекровь требовала, чтобы молодая женщина всю себя отдавала работе по дому, что было невыносимо для респондентки. Она ощущала, что ее не признают дома как члена семьи и что ее трудовой вклад не признаётся властными родственниками мужа. Очевидно, что она стремилась существенно изменить свои жизненные обстоятельства с помощью отъезда из угнетающего её домашнего уклада. Как только она стала трудящимся мигрантом, подальше от дома семьи ее мужа, она смогла вернуть себе самоуважение как человек и как работник:

...В [название города в Кыргызстане] я всегда должна была помнить, что я всего лишь невестка. Даже когда я пыталась забыть и жить свободно, мне постоянно напоминали о «моем месте». В России, наоборот, я чувствую себя свободной, мои уши могут отдохнуть от потока жалоб моей свекрови обо мне, потому что я не делаю все так, как она хочет. И работа, которую я выполняю, намного, намного легче! Мой первый день на работе в Москве стал сюрпризом для моего работодателя. Он думал, что у меня уйдёт весь день на уборку, но я смогла закончить все в течение первых двух часов...

Для следующей респондентки миграция была как последствием её развода, так и практическим способом борьбы со стрессом после развода. Оставшись без средств к существованию для себя и своих детей, она приняла приглашение своей младшей сестры поехать и поработать с ней в Москве. Теперь успешно трудоустроившись там, она вернулась в Кыргызстан в короткий отпуск на момент проведения интервью:

Я развелась с ним [её мужем] три года назад. Мои дети то время были ещё маленькими. Моей дочери было семь лет, а моему сыну было пять лет. Естественно, после развода никто бы мне не помог, он мне не помогал. Он не платил никаких алиментов, он не оказывал материальной помощи. Я даже не буду говорить о его участии в жизни детей. Естественно, мне было очень тяжело. Я нашла работу, но зарплата была слишком маленькой. В то время моя младшая сестра работала в Москве и предложила, чтобы я поехала туда и нашла работу, которая соответствовала бы моей профессии. Я поехала и получила работу парикмахера, мне повезло; я получила работу в хорошей фирме. Это была сеть парикмахерских салонов, очень большой салон красоты, одна из сетей по всей Москве. Я получила официальную работу, получила официальное разрешение на работу, доступ к работе, все было оформлено официально. Я проработала два года и сейчас приехала провести свой отпуск здесь. (Женщина-мигрант)

Очевидно, что профессиональные качества данной респондентки и уже существующая и надёжная сеть социальной поддержки в стране назначения способствовали её успешной миграции. Профессиональный потенциал и эффективная система социального обеспечения являлись очевидными факторами успеха для женщин-мигрантов, которые сообщили об

удовлетворённости своим опытом работы за границей. Кроме того, те респонденты, которые могли достаточно открыто рассказать о том, что главным мотивом для миграции являлось их собственное личностное развитие, как видится, смогли больше выиграть от этого опыта и даже добиться раскрепощения в более долгосрочном плане в своей каждодневной жизни после миграции. Особо наглядным является один из рассмотренных случаев женщины, которую мы назовём Динарой.¹⁴

Динаре было тридцать три года на момент проведения интервью. Она безусловно была счастлива в своей жизни в качестве трудового мигранта, что для неё было исполнением мечты. Главным в ее истории до миграции были переживания после ранней смерти её отца, который стал слепым и частично парализованным в результате энцефалита, когда ей было 16 лет. Это изменило ее взгляд на мир от полной поглощённости материальными благами к стремлению получить интересный опыт, потому что «Жизнь слишком коротка, и нам нужно реально ЖИТЬ, а не просто выживать». Эта персональная философия сподвигла её закончить университет, несмотря на то что она вышла замуж в возрасте восемнадцати лет и жила в большой семье под одной крышей вместе с родителями мужа, тремя братьями мужа и их семьями. Будучи самым молодым взрослым членом семьи, с разницей в возрасте между ней и следующим по возрасту - двадцатитрёх лет, она оказалась окружённой восемью старшими людьми, каждый из которых требовал уступчивости, подчинения и тяжёлой домашней работы. Психологическая травма, вызванная смертью её двух детей, усилила её страдания. Для неё эти условия оказались невыносимыми, и она мечтала уехать. Миграция в поисках работы дала ей эту возможность:

Я не «вписывалась» в их семью. Я до сих пор не вписываюсь. У меня есть такая проблема. ДА, у меня есть образование, ДА, я говорю по-русски. ДА, у меня есть собственное мнение. Вот почему я не вписываюсь в их семью. Поэтому у меня была эта идея фикс, что я должна вырваться и уехать. Я чувствовала, что я что-то упускаю. Я должна была развиваться, материально и морально. Я не могла просто оставаться в деревне и не иметь прогресса, а только регресс. Плюс, у меня был психологический [стресс]... вы знаете... двое моих детей умерли...

В итоге Динара уехала за границу и работала поваром. Она смогла пересылать достаточно денежных средств домой для того, чтобы её близкие и родственники мужа более благосклонно относились к её возросшей независимости. Например, через несколько месяцев после её возвращения домой она смогла повезти свою мать в отпуск в Турцию без сопротивления со стороны семьи её мужа. Муж Динары поддерживал её во время всех её поездок.

Важность благоприятной домашней среды уже упоминалась как основополагающая для успеха женщин в качестве трудовых мигрантов, что далее иллюстрирует цитата из нашего исследования:

Это было моё желание - уехать за границу, даже в качестве трудового мигранта, и изучить новый рынок труда, заработать денег, изменить мою жизнь, и я сделала это. Мой муж поддерживал меня и смотрел за детьми, пока я работала бухгалтером в России.

Миграция как «крайняя мера»

Однако большинство женщин в нашем банке данных имеют менее привилегированное социальное происхождение. Для них возможности персонального развития были менее очевидными, и эти женщины стремились меньше сосредотачивать внимание на данных аспектах своего опыта. Тем не менее, имели место позитивные изменения, которые можно было уловить в их рассказах. Объясняя свои мотивы отъезда из дома, женщины из данной группы указывали на бедность и нужды своих детей:

Гораздо лучше [мигрировать], чем жить с ними [её детьми] вместе дома и не быть в состоянии купить им [её детям] то, что они просят у тебя. Лучше быть далеко от них и высылать им деньги. Я не могу смотреть им в глаза и не быть в состоянии купить им то, что они хотят. Лучше работать [за рубежом, чем не иметь работы дома]. (Женщина-мигрант)

Если бы я не уехала в Москву, я бы до сих пор жила в старом доме. Мы [её дети, муж и родители мужа] не смогли бы отремонтировать нашу крышу. (Женщина-мигрант)

Нет, видите ли, я не видела никакого выхода здесь. Я пробовала все. Но копейки, которые мне предлагали здесь... Я не смогла бы на них ничего сделать для своих детей. (Женщина-мигрант)

¹⁴ Все имена, используемые в данном отчёте, изменены и используются только в целях улучшения изложения.

Сверху вниз:

Респондент GSPS, трудовой мигрант, стоит перед своим домом в деревне Чуйской области. «Лучше пить чай дома со своими детьми и мужем, чем есть мясо за границей», – размышляет она о своем недавнем опыте в России. © ООН-женщины/ Эльёр Нематов

Пришло время купать своего младшего сына. Респондент GSPS чувствует себя очень счастливой, будучи мамой четверых детей, несмотря на сложные финансовые обстоятельства. © ООН-женщины/ Эльёр Нематов

Сверху вниз:

Даже если муж респондента GSPS – человек с ограниченными возможностями здоровья, он отличный и способный отец. © ООН-женщины/ Эльёр Нематов

Когда загорятся огни, семьи респондентов GSPS надеются на лучшую жизнь для семьи.

© ООН-женщины/ Эльёр Нематов

Было очевидно, что эти респондентки, как и другие, рассматривали свою миграцию в качестве поведения, ожидаемого от послушных дочерей, заботливых матерей, готовых поддержать жён, невесток и сестёр. Для них было важно позиционировать свою миграцию в качестве бескорыстного самопожертвования, включающего эмоциональные страдания ради блага своих семей, и подчёркивать тяготы, с которыми они сталкивались, будучи трудовыми мигрантами. Они эмоционально рассказывали о своём отъезде, например: «Когда я садилась в самолёт, когда я сидела одна, я не переставала плакать, моё сердце болело» (женщина-мигрант). Или же они жаловались, что им хотелось бы, чтобы их семьи дома могли видеть, «как это трудно работать и зарабатывать деньги» (женщина-мигрант). Из одной истории мы узнали, что весьма молодая женщина уехала сразу после школы, чтобы занять место своей матери. Её решение было мотивировано желанием, чтобы у её младшей сестрёнки было «нормальное» детство с реальной мамой рядом – то, чего не было у неё самой, потому что её мать была в отъезде: «Я уезжаю для того, чтобы наша мама могла быть с тобой. Только ради этого я уезжаю. По крайней мере, ты будешь жить со своей мамой», - сказала она. Все эти респондентки представляли свои миграционные устремления как семейные обязанности и вынужденный выбор, не акцентируя внимание на ожиданиях личной выгоды, раскрепощения и индивидуального развития.

Трудовая миграция женщин как «морально неоднозначное» пространство

Мы утверждаем, что подобное занижение ожиданий личного раскрепощения вызвано культурными представлениями о том, какая работа и какое поведение являются подходящими для женщин и мужчин, находящихся за рубежом. Соллунд и Леонард (2012 г.) утверждают, что подобные представления исключают любое либеральное отношение к женщинам в трудовой миграции. Распространённые представления о надлежащем поведении женщин-мигрантов кратко изложены в данной цитате одного из респондентов:

Когда я думаю о женщине-мигранте, я думаю о женщине, которая разведена, у которой есть маленькие дети, о которых она должна заботиться. Или её муж не может обеспечить её, и она вынуждена уехать [в миграцию в поисках

работы]. Она вынуждена, от безысходности. Она пала духом. Хуже уже быть не может. (Участник мужской ФГД)

Данная цитата охватывает ряд социально допустимых признаков и поведения женщин-мигрантов, которые «пали духом». В самом деле, в общественном восприятии трудовая миграция продолжает рассматриваться в качестве «крайней меры, предпринятой от отчаяния» (по данным исследования НСК и ЮНФПА (2016 г.) – 87 процентов женщин и 89 процентов мужчин). Это ощущение безысходности и исключительности было важным для понимания допустимости и либерального отношения к миграции женщин, поскольку они, в соответствии с их полом, нарушали логический порядок, при котором естественно предполагалось, что свобода передвижения является прерогативой мужчин. Женщины и мужчины интернализировали эти гендерно-дифференцированные условности и боролись с внутрисемейными и внутриличностными конфликтами на всех стадиях трудовой миграции женщин. Многие мужчины и женщины, с которыми были проведены интервью, описывали отъезд матери и жены как недопустимую и крайнюю меру, представляющую собой весьма нелёгкое решение. Одна из женщин сказала: «Когда я уезжала, я чувствовала, как будто я ухожу на войну. Все плакали. Плакали мои сыновья, мои дочери» (женщина-мигрант). Они рассказывали о почти невыносимой неопределённости разлуки с любимыми и потребности в огромных внутренних силах. Они чувствовали, что эмоциональные издержки миграции – вина, тревога, безнадежность – были чрезмерными.

Что касается мужчин, некоторые из них были, повидимому, растеряны и неоднозначно относились к тому, что остались дома. Участники поделились тем, как трудно было для их мужей принять то, что они садятся в самолёт и улетают. В некоторых их рассказах мужчины разрывались между «разумом и чувствами», помогая своим жёнам уехать, хотя явно не желали их отъезда:

Мой муж купил мне билет за 500 долларов. Когда я ехала в аэропорт, мой муж запаниковал и сказал мне вернуться домой. Он начал кричать и ругаться. Я сказала ему, что 500 долларов – это большие деньги и что я буду работать и пришлю ему деньги. И в конце концов, он согласился. (Женщина-мигрант)

Среди опрошенных мужчин наблюдались тревога, сомнения, страхи и чувство безнадежности.

«Мужчина должен прятать свою гордость, если он не может обеспечить свою семью и вынужден отправлять свою жену в миграцию» или «мы (мужчины) сами даём женщинам причину уехать туда» и «если, как мужчина, вы не можете обеспечить свою семью, возможно, вы не мужчина» - такие заявления часто повторялись во всех фокус-групп дискуссиях с мужчинами.

Когда миграция женщин преподносится как чрезвычайная ситуация, возникающая вследствие семейных обстоятельств, она не оставляет места для пересмотра гендерных ролей и раскрепощения женщин, потому что она рассматривается в качестве расширения традиционных ролей и обязанностей женщин. В таких ситуациях связь между трудовой миграцией женщин и персональной выгодой недопустима. Было также очевидно, что некоторые из наших респонденток интернализовали эти идеалы и продвигали подобные стереотипы о семейных обязанностях и самопожертвовании.

Реальный и предполагаемый спрос на рынке труда за рубежом, часто связанный с глобальными сетями в сфере обслуживания, способствовал этим социальным представлениям и помог сформировать современную трудовую миграцию женщин.¹⁵ Женщин всё чаще рассматривают в качестве более «соответствующих» квалификационным требованиям за рубежом. Феминизация низкоквалифицированных рабочих мест в сфере домашнего труда и услуг по уходу (Ойши, 2005 г.), имеющих сходство с неоплачиваемой работой, которую женщины выполняют дома, привела к тому, что женщины рассматриваются как более подходящие для трудовой миграции. Стереотипные взгляды, разделяемые как женщинами, так и мужчинами, согласно которым женщины являются более гибкими, приспособляемыми и нетребовательными, усиливают этот дискурс (Ойши, 2005 г.). Как подтвердила одна участница, ранее бывшая трудящимся мигрантом, «ни один мужчина не поедет и не будет работать посудомойщиком или подметать дворы. Женщины, с другой стороны, всегда найдут работу. В любой ситуации они найдут. Она будет мыть полы или мыть посуду. Она будет делать все». Некоторые мужчины, как мы выяснили,

даже поощряют своих жён выехать в трудовую миграцию, потому что им самим было бы слишком стыдно выполнять непрестижную «женскую» работу по обслуживанию. Один из наших мужчин-респондентов весьма быстро отреагировал: «Если не она [его жена], то кто должен ехать в Россию работать? Я, что ли? Я никогда не поеду убирать за русскими! Я никогда не буду слугой у них!». Эта «работа» нанесла бы ущерб мужскому самолюбию, личному достоинству и, возможно, пост-колониальной национальной идентичности мужчины.

Однако это не означало, что женщины полностью подчинились этой навязанной роли. Напротив, наши результаты иллюстрируют, что даже в этих ограниченных условиях они искали и находили возможности для положительного развития и роста, и далее в данном отчёте мы подробно описываем их опыт. Сначала мы обсудим риски и трудности, с которыми столкнулись наши респондентки во время и после миграции, и проанализируем то, как они научились преодолевать их, и насколько успешно.

Риски и уязвимость женщин-мигрантов

В литературе в области развития признается, что женщины-мигранты особо и вдвойне уязвимым как женщины и индивидуумы, вовлечённые в миграцию. Например, Пекинская платформа действий (1995 г.) отмечает это, утверждая: 1) «Массовые передвижения людей влекут серьёзные последствия для структур и благополучия семьи и вызывают неравные последствия для женщин и мужчин, в том числе сексуальную эксплуатацию женщин во многих случаях» (ППД, стр. 13-14) и 2) «Миграция и последующие изменения в семейных структурах создали дополнительное бремя для женщин, особенно для тех, которые обеспечивают нескольких иждивенцев» (ППД, стр. 18). В научной литературе определяется понятие «миграционной травмы», и это стало важным фокусом междисциплинарных исследований миграции. Например, при обсуждении миграционной травмы Карсвелл и др. (2009 г.) показали, как выросло количество травматических несчастных случаев, возросли травмы и повысились адаптационные трудности среди мигрантов. Как описано Портером и Хасламом (2005 г.), миграционные факторы стресса могут стать хроническими и могут привести к снижению качества жизни и ухудшению показателей в области здоровья в целом. Как выяснилось, проблемы в период после миграции, такие как эмоциональные переживания одного

¹⁵ Работа в сфере обслуживания – название всей повседневной деятельности, которая поддерживает нашу жизнь и здоровье, как например, домашняя работа (приготовление пищи, уборка, стирка) и персональный уход (за детьми, престарелыми, больными людьми или инвалидами). В северном полушарии, где все меньше женщин занимается ведением домашнего хозяйства, а мужчины также не проявляют к нему интереса, семьи, которые могут это позволить себе, нанимают домработников, зачастую женщин из менее богатых государств, таких как Кыргызстан.

члена семьи, оказывали влияние на всю семью (Карсвелл и др., 2009 г.).

Неудивительно, что наши данные показывают: наши респонденты во время пребывания в качестве трудящихся мигрантов в различной степени подвергались многообразному и одновременному давлению, как, например, институциональное насилие, стигма, унижение, социальная изоляция и отчуждение, тоска по дому, вина и стыд, тревога и раскаяние, бедность, неопределённость и т.д.. В интервью повторялись эти темы даже среди тех респондентов, которых мы классифицировали как успешных. Женщины-мигранты говорили о подобном опыте неохотно, но твёрдо.

Трудящимся мигрантам-женщинам часто приходилось заниматься физически тяжёлой, небезопасной и незащищённой работой из-за необходимости быстро заработать денег. Рассказ одной женщины был особенно мрачным:

Я искала работу полтора месяца. У меня даже не было денег заплатить за автобус. Тогда я проработала четыре месяца, и мне не заплатили. Я не могла даже отправить хоть что-то домой. У меня не было денег на еду. Я работала на кухне и ела там. Я умоляла моего работодателя дать мне хотя бы 1000 сом, чтобы я смогла отправить их сыну. Я вспоминаю это сейчас, это было тяжело (плачет).

В конечном итоге эта респондентка смогла выйти из нищеты и вернулась домой, реализовав свои цели. Она, как и многие другие женщины-мигранты, использовала множество стратегий для того, чтобы справиться со своей нестабильной ситуацией с работой. Эти женщины решали проблему временной и сдельной, нестабильной и плохо оплачиваемой работы тем, что работали в двух местах одновременно. У них было либо два работодателя, либо они занимали две позиции в одном офисе. Вот примеры: «Я работала в офисном кафе в течение дня и убирала этот же офис ночью, а также убирала другой офис», - поделилась одна женщина. «Я работала посудомойкой в двух ресторанах, а также уборщицей. Вы идёте на работу в 7 утра и возвращаетесь в полночь». Рабочая нагрузка была иногда чрезмерной, но эти женщины подбадривали себя, подобно респондентке, которая сказала: «Я пыталась делать это дважды, это было очень трудно. Это было нереально.

Работа была тяжёлой, и вы работаете 24 часа и затем у вас выходной. Но когда вам нужны деньги, вы просто это делаете». Однако такие физические нагрузки повлияли и на физическое, и на психологическое здоровье некоторых респонденток.

Согласно данным НСК и ЮНФПА (2016 г.), около 30 процентов женщин и мужчин, возвращающихся домой из трудовой миграции, испытывают ухудшения в своём здоровье. Некоторые последствия для здоровья были относительно незначительными, как например, руки, покрытые «сыпью и язвами» из-за моющих средств. Другие со временем влияли на их производительность и привели к вынужденному возвращению домой. Например, одна из женщин в течение нескольких лет весьма успешно работала поваром в ресторане до тех пор, пока «...[мои] ноги стали негодными для того, чтобы быть поваром. Мои ноги просто перестали работать из-за всех тех лет, что я на них стояла». Это было особо трагично для неё, потому что она только что получила значительное повышение в зарплате. У другой женщины была похожая история: «Утром, как только прозвенит будильник, я просыпалась, вставала и падала. Я падала, потому что я перестала чувствовать свои ноги». К сожалению, стандартная медицинская помощь, в том числе помощь в области сексуального и репродуктивного здоровья, в стране назначения была часто недостижимой или недоступной. Более дешёвые полулегальные или нелегальные медицинские услуги, предлагаемые так называемыми «чёрными докторами», славились своим сомнительным качеством, и все равно были дорогими.

Респонденты также сообщали о психологических и эмоциональных проблемах, таких как психологическое давление на рабочем месте. Например, они часто подвергались так называемым «проверкам на честность», которые считали унижительными:

...Они проверяли нас вначале очень серьёзно. Моя шефиня однажды оставила свой кошелёк на моем столе, предположительно случайно. Конечно, я запаниковала, надеясь, что меня не обвинят в чём-нибудь, чего я не делала... Я слышала много ужасных историй, которые произошли с другими женщинами, как я... Я сразу же ей позвонила и рассказала ей о кошелёчке... Она вернулась и улыбнулась мне, говоря, что я прошла её проверку.

Угрозы, исходящие от работодателей, были среди наиболее часто упоминаемых страхов (51 процентом женщин и 52 процентами мужчин) в исследовании ЮНФПА и НСК (2016 г.). Также частым являлось психологическое насилие со стороны арендодателей женщин. Следующий пример ярко это иллюстрирует:

Однажды они [арендодатели] вызвали полицию в нашу квартиру посреди ночи. Полиция приехала и вломилась в нашу квартиру. Они [арендодатели] вымогали у нас деньги, а мы не хотели им их давать. Поэтому они позвонили в полицию и сказали им, что мы гонялись за ней [хозяйкой жилья] с ножом. Полиция приехала и проверила нас на наркотики... они проверили наши ноги и руки... (Женщина-мигрант)

Другая форма плохого обращения исходила от представителей правоохранительных органов в стране назначения. В данном отчёте мы представим только один из многих рассказов о притеснениях, которые мы услышали. Он относится к опыту респондентки более старшего возраста, работавшей поваром в небольшом ресторане в России. Когда она получила свою первую зарплату наличными деньгами и была на пути к дому, её задержала местная полиция:

Они поймали меня, посадили в свою машину и начали давить на меня, говоря: «Сейчас ты дашь нам десять тысяч [рублей]»,- как будто они знали, что у меня есть деньги. Я сказала им, что у меня нет денег. Я показала им мои документы о регистрации, но они были поддельными, и они сказали мне, куда их засунуть ... Поэтому я, плача, поехала с ними в их машине. Я сказала им, что у меня нет денег с собой, и они дома. Мы переговорили и сошлись на трёх тысячах. Я была такой трусливой. Они привезли меня домой, они знали, где мы жили. Когда они привезли меня ко входу, у меня отвисла челюсть. Они знали, где мы жили! Поэтому я вошла внутрь и вынесла три тысячи. Мой паспорт был у них, поэтому я вынесла деньги и отдала их им. Они открыли окно своей машины, и я отдала им деньги, а они вернули мой паспорт и сказали мне не попадаться им больше на глаза. Они сказали, что я была слишком шустрой. Тогда три тысячи были большими деньгами, когда вы работаете поваром без выходных, проводя весь день на ногах! Плача крупными слезами, я пошла домой. Мне было больно из-за денег, но больше из-за унижения. Позже они ловили меня в метро ещё много раз.

Внутри метро у них есть комната. Они заводят вас в эту комнату, забирают ваш паспорт и сидят там. Им больше нечего делать. Уже ночь. Их смена продолжается до утра. Метро закрывается в час ночи, и они забавляются этим. Каждый раз вы даёте им деньги. Если вы не дадите, то они вас не отпустят. За вами придет машина, и вас увезут. Этот процесс проводится тогда, когда вас выводят из метро, как будто вы заключённый, как будто вы убийца. Это психологически очень ... лучше отдать им деньги. Иначе вы просто потеряете деньги. Если вы будете придерживаться своих принципов, они вас депортируют.

Всего несколько женщин готовы были поделиться своим опытом, аналогичным этому. Подавление травматических событий может быть ещё одним признаком серьёзной психологической травмы. Каждый день подвергаться привычному унижению – это стало источником стресса для женщин, которые переживали тревогу и депрессию. Они рассказали нам, что они: «... там чувствовали себя униженными и как бы грязными ...» или, как объяснила одна респондентка:

Для меня это было психологически тяжело, унижительно. Они сказали мне: «Почему, черт возьми, ты не живёшь в своем чёртовом Бишкеке? Почему ты не выращиваешь свой чёртов хлопок там? Почему ты приехала сюда? Они использовали реально плохие слова; это было таким унижением и было так тяжело для меня.

В результате, жизнь этих женщин часто была наполнена напряжённостью и страхом. Респондентки делились воспоминаниями, такими как: «Я говорю вам, реально, вы чувствуете себя пойманной в клетку. Вы напряжены, как стержень».

Также часто сообщалось об ощущениях изоляции и отчаяния. Мигранты чувствовали, что они оказались в: «...ещё одной тюрьме, даже хуже, чем дома... Вы большинство времени даже ни с кем не разговариваете и каждый день просто выживаете». Жилищные условия характеризовались как маленькие, совместно используемые помещения, жизнь на чемоданах и отсутствие возможности уединения усугубляли чувство изолированности, повышали стресс и влияли на самооценку. Эта участница поделилась своей историей об условиях проживания, с которыми ей пришлось мириться, находясь за границей:

Я приехала в этот дом, открыла дверь в квартиру и подумала: «Почему я здесь?!». Это была трёхкомнатная квартира; в каждой комнате было по десять человек. Кухня была крошечной, и только одна плита с четырьмя конфорками. Люди готовили по очереди. И всегда было слишком много людей. И была ещё одна отвратительная вещь – туалет и общая ванная. Я даже сразу и не поняла, где я нахожусь и где мы будем спать. Люди готовили обед и кушали его, и все по очереди приходили и уходили. Я так сильно расстроилась и захотела заплакать, и винила себя за то, что приехала. (Женщина-мигрант).

Дополнительным источником тревоги и неопределённости был так называемый запрет на «обратный въезд». Запрет на обратный въезд действует на основе регистра, составленного Российской федеральной миграционной службой, из лиц, кому отказано во въезде (от трёх до десяти лет) в Россию за нарушение административного, уголовного и иммиграционного законодательства. В 2016 году 119 000 кыргызских мигрантов были внесены в регистр, запрещающий обратный въезд (<http://ssm.gov.kg/>). Осведомлённость о запрете на въезд была относительно высокой среди участников опроса НСК и ЮНФПА (2016 г.): в целом, 64 процента женщин и 68 процентов мужчин знали, что существует такой список. Было заметно, что согласно нашим данным, респонденты зачастую не были информированы о преступлениях, которые они якобы совершили. Обнаружение себя в списке явилось сюрпризом для них, когда они были депортированы или им на границе, было отказано во въезде. Женщины, с которыми были проведены интервью, выразили отчаяние и замешательство в том, каким образом их внесли в регистр, запрещающий въезд, и как из него выйти. Почти все опрошенные женщины, имена которых были в списке, очень сильно хотели мигрировать, чувствовали, что они потеряли реальные возможности для улучшения своего финансового статуса, выполнения планов на будущее и укрепления общественных связей. Включение в список запрета на въезд впоследствии привело к бедности, отчаянию, неопределённости и рискам, связанным с нерегулируемой миграцией и торговлей людьми.

Подверженность женщин этим разного рода вызовам и уязвимости различалась в плане интенсивности, продолжительности, частоты и т.д. в зависимости от индивидуальных обстоятельств. Наш анализ представил коллективный образ тех

вызовов, с которыми эти женщины могли сталкиваться во время пребывания в качестве трудящихся мигрантов. Женщины предпринимали активные усилия для решения этих проблем, используя любые доступные им ресурсы и методы. Например, одним из эффективных способов снижения высокого уровня стресса было получение легального статуса трудящегося мигранта. Некоторые из респондентов, в особенности те, кто были более образованными и лучше информированными, сначала убеждались в том, что они получили официальные документы до осуществления какой-либо профессиональной деятельности, даже если это требовало значительных расходов и долгих периодов ожидания. Одна респондентка отметила: *«Как честный человек, я просто не могу работать по поддельным документам»*. Важно то, что они поощряли и даже настаивали на том, чтобы их семьи и знакомые также получали легальные документы, если они уезжали в миграцию.

Для противостояния вызовам, связанным с миграцией, женщины-респонденты также использовали свои социальные навыки для завоевания уважения и доверия со стороны своего работодателя. Они сохраняли эти профессиональные связи даже после отъезда на родину, и это служило в качестве связей для новых трудящихся мигрантов. Практика изменения собственных кыргызских имён с помощью русифицированных версий могла также рассматриваться в качестве механизма преодоления с целью интеграции, хотя подобные практики можно рассматривать как наносящие ущерб национальной идентичности и нарушение права на самоопределение.

Некоторые собеседники использовали религию (большей частью ислам), чтобы справиться со стрессом. В одной из фокус-групп дискуссий женщины подтвердили, что они регулярно молились и просили у бога помощи. Одна из этих женщин сказала: *«Ты сидишь там и думаешь: «О, Боже, пожалуйста, пусть все будет в порядке. Пусть я буду цела и в безопасности. Пусть я буду в порядке»*. Несколько женщин сообщили, что они и другие женщины тоже надели хиджаб ив России. Эти данные совпадают с материалами некоторых специальных научных изданий, которые документированно подтверждают использование религии и религиозных практик в качестве механизма преодоления трудностей и стресса (например, Паргамент, 1997 г.).

Выработка женщинами устойчивости и другие положительные изменения

Пережив этот травмирующий опыт, некоторые мигранты в конечном итоге сумели выработать внутреннюю силу и стойкость. Эти женщины сообщили об улучшении личного развития благодаря принятию обновленного мировоззрения, например: «Раньше я здесь работала, как проклятая, там я научилась чувствовать себя человеком»; большему развитию своих сильных сторон, к примеру: «Я получила важный жизненный опыт. Я научилась выживать в трудных условиях»; раскрытию новых возможностей для себя, например: «Я была очень стеснительной, теперь я более открыта» или «Я научилась работать, общаться с людьми, работать по-своему, быть частью команды. Теперь я более уверена в себе. Теперь я знаю, что, если человек хочет чего-то, этого можно достичь»; и тому, что они по-новому начали ценить свои семьи и отношения. Например, некоторые женщины-мигранты считали, что их отсутствие способствовало укреплению их семьи и оказало положительное влияние на их семейные отношения. Цитата ниже подтверждает этот аргумент:

*Мой муж начал ценить меня и наши отношения. Именно моя поездка в Москву и моя работа там помогли мне доказать, что я могу зарабатывать больше, чем он, и делать это с меньшими усилиями. Он начал больше меня ценить. С его стороны появилось больше уважения по отношению ко мне, потому что мы смогли выплатить 250 000 рублей нашего долга и приобрести скот благодаря заработанным мною деньгам.
(Женщина-мигрант)*

Важно отметить, что по нашим наблюдениям, мигранты активно использовали возможности для улучшения качества своей жизни и своего персонального развития. Эти наблюдения отражены в ответах одной из самых молодых респонденток нашего исследования, которая сказала: «Я поехала в Анкару и проработала там шесть месяцев. Я была депортирована и больше туда не ездила. Теперь я просто келин [невестка]». Её замечание о том, что она «просто келин» привело нас к мысли, что она воспринимает свой статус как менее значимый по сравнению со статусом работника, который был у неё в Турции. Исследование НСК и ЮНФПА (2016 г.) показало, что люди по всей стране, как правило, считают, что трудовая миграция: «...дала людям новые знания, профессиональные навыки и социальные навыки общения» (67 процентов женщин и 71 процент

мужчин) и что «Это было хорошей возможностью повидать мир» (68 процентов женщин и 73 процента мужчин). Наши данные дополнили исследование НСК и ЮНФПА, определив дополнительные области положительного развития для женщин, в том числе: повышение чувства самостоятельности, новые общественные и профессиональные связи, экономическую независимость и внутренние психологические изменения. Мы демонстрируем это с помощью цитат из двух интервью возвратившихся женщин-мигрантов. В первом интервью женщина описывает повышение уверенности в себе и способности постоять за себя:

Я стала человеком, который не устраивает родственников моего мужа и, в особенности, людей, которые были воспитаны иначе, я имею в виду советских людей. Я вернулась из России более свободным человеком. Я начала говорить людям правду в лицо; мне было неважно, понравится им то, что я говорю или нет. Они смотрели на меня и думали «офигела» [“она сошла с ума!”]

Вторая цитата, приведённая ниже, наглядно показывает повышение уровня независимости и экономической самодостаточности:

Там я привыкла к тому, что у меня есть собственные деньги; я могла потратить их на себя. Я работала в салоне красоты. Вы можете представить себе, что я привыкла работать с косметикой; я могла посещать SPA-салоны и мастер-классы по красоте, потому что они проводились бесплатно раз в неделю. Это стало для меня привычным.

Респонденты, которые сообщили об успешной реинтеграции после возвращения, смогли принять свой опыт миграции и открыто говорить о нём. Главную роль в этом, безусловно, сыграли экономические достижения. Их чувство удовлетворенности собой, собственного достоинства и идентичности было очевидным:

Глубоко в душе я была так счастлива, что зарабатывала деньги и они шли на строительство нашего дома. Это явилось самой положительной стороной моих поездок. И мы смогли выплатить наши долги. И это тоже большой плюс!

Мы отправили нашу дочь в университет, оплатили её учебу и направили ей денег. Мы позвонили ей, и она сказала мне: «Мама, я выиграла олимпиаду». Я была так счастлива!

Я приехала домой и оплатила медицинское лечение моей матери. Я повезла ее в пансионат. Я оплатила ремонт нашего дома.

Эти респондентки были особенно рады поделиться положительными моментами их опыта за рубежом:

Когда вы едете за границу, вы видите новый мир, разные народы и ваше мировоззрение расширяется, даже если вам 40 лет. Вы учите русский язык. В вашем селе вы надеваете свой халат и платок, и всё. А в Москве мы научились следить за своей внешностью.

Я научилась ладить с людьми. У меня закрытый характер. Сегодня мне легче работать с людьми, потому что мне приходилось разговаривать с клиентами в рамках своей работы. Вам необходимо было разговаривать с людьми. Если вы просто выполняете свою работу, клиентам это не нравится. По сути, вы должны спрашивать: «Как у вас дела?», «Как ваша собачка?». Это очень полезно. Даже сейчас я сижу и разговариваю с вами, это уже большой плюс.

Я научилась толерантности. Когда вы видите новые места и встречаете других людей, вы растёте как человек. Вы себя не теряете.

Положительные внутренние личностные изменения вследствие трудовой миграции и её вызовов сыграли важную роль для некоторых из наших респонденток в их адаптации к жизни после миграции. Мы можем назвать это постмиграционным ростом (ПМР). Ниже мы приводим две успешные истории.

У вернувшейся мигрантки, проживающей на юге Кыргызстана, был успешный бизнес в России, и её новые предпринимательские навыки позволили ей продвигать новые формы лидерства и экономической деятельности, возглавляемой женщинами. Эта женщина, находясь за рубежом, продолжала вести небольшой бизнес дома, к которому привлекла свою младшую сестру и позднее других молодых женщин. Она помогла создать в своем селе первую торговую точку под руководством женщин. Ниже приводится история в её собственных словах:

Я помогла моей неработающей сестрёнке открыть свой собственный бизнес в [название села]. Она зарабатывала 300 долларов в месяц. В то время это были очень хорошие деньги. Плюс, это было очень престижно, поскольку аренда

здания могла достигать 500 долларов в месяц, понимаете. Её муж оставил её и уехал в Россию, у неё было двое детей и не было денег. Её младший ребёнок был ещё младенцем. Она наняла няньку и начала работать. Впервые в то время женщина руководила бизнесом в [название села].

После возвращения данная респондентка смогла восстановить (после некоторых трудностей) свой собственный успешный бизнес с помощью денег, которые она заработала в России, и продолжить своё бизнес-партнерство с российскими коллегами.

Другая вернувшаяся мигрантка из сельской местности на севере страны сообщила о настолько значимых внутренних изменениях и положительном росте, что она решила принять участие в политическом руководстве своей деревни. Вот что она сказала:

Этот опыт [трудовая миграция] был самым лучшим в моей жизни. Я стала сильнее как человек. С тех пор, как я вернулась, я не могу просто сидеть. Мне всегда нужно работать. Как только я вернулась из Москвы, я поняла, что я не тот человек, который может просто оставаться дома. Я все время работаю. Я вижу себя в качестве депутата местного совета и даже больше, если мне дадут эту возможность. Меня уже пригласили стать членом политической партии [название партии]. Меня пригласили возглавить работу в [название айыл окмоту]. Лидер этой партии сказал мне: «Если бы мой сын был похож на тебя, я мог бы умереть в возрасте тридцати лет, и мое сердце было бы спокойно».

Другие неординарные женщины сообщили о различных возможностях лидерства после миграции, таких как предоставление юридической помощи и даже личное содействие официальному и надёжному трудоустройству новых уезжающих мигрантов, как мужчин, так и женщин. Эти женщины использовали свою хорошую репутацию, имеющиеся связи и сети для гарантии того, что и работодатели, и новые мигранты будут довольны. Мы считаем, что эти данные особенно важны для рассмотрения будущих политических инициатив, в первую очередь, из-за того, что две трети женщин и мужчин предпочитают получать информацию о трудовой миграции (отъезде, размещении и проживании, трудоустройстве и т.д.) напрямую от членов своего сообщества, через интернет и СМИ, а не из официальных источников (НСК и ЮНФПА, 2016 г.).

Точные цифры показывают, что только 32 процента женщин и 36 процентов мужчин сообщили о том, что они обратились бы в специализированные миграционные службы за информацией в случае необходимости (НСК и ЮНФПА, 2016 г.). Поведение, подобное поведению женщин, чьи истории приводятся здесь, позволили улучшить незащищённое положение новых мигрантов при трудоустройстве за рубежом и, таким образом, снизили их уязвимость в целом.

Мобилизация после миграции была также предпринята группой женщин, мотивированных изменить домашние условия в своих сёлах для улучшения качества местной жизни:

Мы видели, как живут в разных местах. Мы расширили свой кругозор. Нам удалось сравнить Кыргызстан с другими странами, такими как Турция. Разница как между небом и землёй. Ты быстро привыкаешь к хорошей жизни, тёплой воде, горячей воде, коммунальным услугам и машинам. Тебе хочется все это реализовать здесь, потому что это очень удобно, для тебя и для других. Мы хотим всё это также внедрить и здесь.

Эти примеры демонстрируют постмиграционный рост среди женщин, которые приняли участие в нашем исследовании. Приводимые ранее преимущества, существовавшие до миграции, а также наличие социальной сети в стране назначения и доступ к системе социальной поддержки на родине являлись важными факторами содействия положительным переменам.

Постмиграционный стресс и уязвимость

Постмиграционный рост (ПМР) не был всеобщим явлением. Он был более очевиден среди тех женщин, чей уровень миграционного стресса и травмы был умеренным, а не высоким. Те, кто пережили больше стресса во время миграции, чаще испытывали симптомы того, что мы называем постмиграционным стрессом (ПМС). Одна женщина-мигрант с долгим опытом сказала нам: «В некотором роде человек должен чувствовать себя человеком. Там вы не чувствуете себя человеком». Ей было трудно оправиться после миграционной травмы, и она явно страдала от её долгосрочных последствий. В её рассказе мы можем распознать признаки посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), в том числе навязчивые воспоминания.

Я помню, когда мы были с детьми в доме моей свекрови. Была зима, и вечером мы приходили навещать её и ночевали там. Мой муж вернулся чуть позднее с двумя мужчинами. Мы уже были в постели, а они приехали на машине с фарами на крыше. Я вскочила. Вы знаете, у полиции есть прожектора на машинах. Я увидела это и закричала: «А-а-а! Полиция!» Это было очень эмоционально. Для меня это был такой стресс. Мне стало жалко себя, и я зарыдала.

Постмиграционный стресс (ПМС) и постмиграционный рост (ПМР) среди возвращающихся мигрантов из Кыргызстана мало изучены. Наши данные недостаточны для выработки всеобъемлющего понимания этой темы, но они показывают, что она оказывает значительное влияние на реинтеграцию – процесс, полный рисков и угроз, связанных с дискриминацией.

Исследование НСК и ЮНФПА (2016 г.) в какой-то степени противоречиво показало, что лишь два процента респондентов в их опросе сообщили о том, что переживали какой-либо отрицательный опыт по возвращении. Эти тенденции, согласно НСК и ЮНФПА (2016 г.), не зависели от места жительства участников, их образования или демографических характеристик. Однако наши данные чётко указывают на существование слабо уловимых аспектов уязвимости среди возвращающихся женщин-мигрантов, которые являются результатом глубоко укоренившихся негативных стереотипов. Например, женщины и мужчины, с которыми мы провели интервью, выражали большую нетерпимость к вернувшимся женщинам-мигрантам. Около 60 процентов всех участников в исследовании НСК и ЮНФПА (2016 г.) заявили, что «женщины-мигранты вернулись домой более независимыми, уверенными в себе и ощущающими себя равными с мужчинами». Однако 38 процентов женщин и 45 процентов мужчин в этом же опросе считали, что «женщины, находящиеся в миграции, начинают вести аморальный образ жизни». В этой связи, согласно НСК и ЮНФПА (2016 г.), 51% женщин и 55% мужчин поддерживают действия националистских организаций, таких как группа «Патриот», которые пытаются контролировать и «защищать» моральный облик женщин из Кыргызской Республики в России. В то же время, 22% женщин и 26% мужчин не считают аморальным, когда мужчина-мигрант обзаводится новой семьёй, если он продолжает заботиться о семье, которую он оставил в родной стране. Наши данные показали, что обеспокоенность мужчин была связана с воспринимаемой независимостью,

непримиримостью, непослушанием, и т.д. возвращающихся женщин. Они представляли себе, что женщины-мигранты приняли новые жизненные ценности, взгляды на мир и «иностранность», которые они порицали. Как выразился один респондент: «У меня отрицательное представление о женщинах-мигрантах: они уезжают, портятся, разводятся, у них меняется менталитет, и они меняют своё мировоззрение» (мужчина-участник ФГД).

Часто мужчины выражали страх, что их «преображённые» жены будут теперь считать свой дом для себя уже неподходящим. Они беспокоились о том, что не смогут позволить себе стандарты жизни, к которым привыкли их жены за границей, или не смогут контролировать их, как раньше. Как объяснил один из участников-мужчин: «Они возвращаются с короной на голове. Она начинает думать: «Ага, я могу сама зарабатывать деньги. Я могу жить без мужа». Семьи начинают распадаться». Женщины-мигранты, чьё поведение считалось противоречащим ожиданиям, связанным с образом «порядочной кыргызской женщины-мигранта», вызвали различные виды неодобрения и наказания.

Посредством наших интервью стало очевидно, что молодые мигранты сталкиваются с трудностями при попытке выйти замуж, когда они возвращаются домой. В фокус-групп дискуссиях мужчины делали заявления, которые показали, что они считают само собой разумеющимся то, что никто не захочет взять таких женщин в жёны. Один из них высказал общее мнение: «Кто женится на женщине-мигрантке? Если она выбрала этот путь, то она уже плохая кандидатка на роль жены или матери...». В исследовании НСК и ЮНФПА (2016 г.) лишь 11 процентов возвращающихся женщин-мигрантов сообщали о том, что столкнулись с изменением шансов на брак. Однако наше исследование выявило мнение, что на женщинах-мигрантах нельзя жениться якобы из-за их превращения в «испорченных» женщин. Один молодой холостой респондент-мужчина сказал, что никогда не женится на женщине-бывшем мигрантке, потому что: «После этого девушка превращается в мусор». Женщины, в том числе возвратившиеся мигрантки, сами выражали такие мнения, как: «После миграции... ох, с этой девушкой покончено! Её судьба... очень маловероятно, что она выйдет замуж... и если даже и выйдет, то будут ходить различные слухи. Многие девушки портятся», или «... если ты хочешь выйти замуж, то тебе не надо ехать в Россию. Не так девушка строит своё будущее». Понятие

«испорченности» вращалось вокруг недостойного для девушек поведения, которое варьировалось от неуважения к своим родителям до сексуализированных образов их жизни за рубежом, где «они живут по пятнадцать человек в одной комнате; они все спят вместе. Эти женщины раздеваются и ложатся в постель с теми мужчинами. Мы не знаем, что они на самом деле делают в миграции» (участник мужской ФГД).

В исследовании НСК и ЮНФПА (2016 г.) 68 процентов женщин и 70 процентов мужчин согласились с утверждением, что миграция ухудшает отношения в семье. В одном из конкретных примеров был рассмотрен опыт разведённого мужчины, развод которого был вызван отъездом жены в качестве трудового мигранта и тем, что она стала «слишком русской». Учитывая патрилокальные и расширенные семьи во многих местных общинах, негативное отношение часто может исходить от свёкра и свекрови женщины, которые боятся потерять желаемый контроль над своей невесткой:

...Мне не нравится тот факт, что моя келин (невестка) стала такой независимой, она даже не спрашивает меня, когда идёт на базар [моего разрешения пойти и что купить там]. Каждый должен знать своё место, роль в семье и выполнять её... (Участница женской ФГД)

В ходе интервью с вернувшейся женщиной среднего возраста мы узнали, что страх неодобрения со стороны семьи занял центральное место в её повседневной постмиграционной жизни:

С тех пор как я вернулась, я боюсь. Никто не должен бояться людей, бояться одобрения или неодобрения. В Кыргызстане нет психологической поддержки, нет специалистов, кому можно выговориться. Я боюсь, что скажет мой муж или моя свекровь, или свёкор, или моя мать. Они говорят слова, которые мне не нравятся. Как им сказать, что мне не нравится то, что они говорят? Я научилась работать, потому что если ты работаешь, то ты можешь достичь своих целей. Больше я ничего не делала [находясь в миграции].

Это подразумевает, что некоторые из женщин-мигрантов возвращаются во враждебную домашнюю обстановку, что вредит их возможному постмиграционному росту. Часто высказывались намёки на домашнее насилие, хотя о нем не говорилось в открытую.

Несколько респондентов сообщили, что чувствовали себя изгоями и отвергнутыми своими семьями. Другие дали понять, что стали мишенью для открытой брани и издевательств со стороны своих семей. Их деморализовали такие уничижительные фразы, как «это тебе не Россия» и «ты теперь в Кыргызстане, так что иди и делай работу по-нашему» и т.д. Одна женщина пожаловалась, что муж попытался выставить её чудовищем в глазах детей: «Мой муж сказал моим дочерям, что если они не будут убирать дом, то я буду выкрикивать им русские ругательства». Данные о насилии со стороны партнёра также демонстрируют, что женская трудовая миграция может вызвать мужскую агрессию. Например, недавно вернувшаяся женщина-мигрант среднего возраста, участвовавшая в фокус-групп дискуссии, пожаловалась, что муж регулярно обвиняет её в неприличном поведении за рубежом: «Особенно, когда он напьётся, он говорит мне, что я спала там со всеми...». Горечь её слов указывает на то, что систематическое психологическое давление ранило её. Для нас это подразумевало существование внутрисемейного конфликта со скрытым потенциалом эскалации. Возвращающиеся мигранты, испытавшие неодобрение семьи, ощущали, что независимость, которую они выковали во время миграции, вдруг стала не просто ненужной, но и нежеланной на родине. Им пришлось забыть свой опыт миграции, отречься от него и вернуться к «нормальному» состоянию. Когда считалось, что женщины не сумели это сделать, вероятность домашнего насилия повышалась.

В то же время именно опыт миграции респондентов мог придать им сил противостоять такому словесному и физическому насилию. В нескольких случаях мы стали свидетелями того, как женщины, ставшие экономически успешными в миграции, вернулись с расширенными правами, возможностями и способностью пересмотреть вредные практики дома и сопротивляться им. Респондентка, упомянутая выше, могла ответить своему мужу, напомнив: «Если бы я не уехала, твой дом никогда бы не был построен». Но как долго она сможет противостоять унижению, выслушивая обвинения в аморальном поведении? Как долго озабоченность её мужа моральными вопросами будет продолжать брать вверх над очевидными материальными преимуществами? В ситуациях, когда в глазах семьи женщины не сумели привезти обратно достаточно наличных денег, у них было меньше способов защитить себя. Другая бывшая женщина-мигрант, казалось, прекратила попытки поменять насильственное поведение мужа.

Её выбором было принятие ситуации такой, какая она есть: «Что я могу с ним сделать? У меня дети... К тому же, он мужчина, поэтому здесь такое поведение нормально. Даже если он не ценит меня как кормильца, он мой муж и отец этих детей».

Изучение распространённости случаев домашнего насилия среди вернувшихся мигрантов не входило в основные цели исследования. Информация, которую мы представляем здесь, всплыла в ходе наших полуструктурированных интервью и не была стандартизована через процесс сбора данных. Однако наши данные достаточны, чтобы проиллюстрировать постоянно присутствующий риск насилия в отношении женщин из-за стереотипов, связанных с женской трудовой миграцией. Для количественной оценки распространённости домашнего насилия среди возвращающихся женщин-мигрантов потребуются дополнительные исследования и использование другой методологии.

Тем не менее, наши данные демонстрируют, что некоторые из существующих практик могут быть квалифицированы как экономическое насилие в отношении женщин-мигрантов. В нескольких случаях личная жизнь и финансовое положение женщин находились под строгим контролем их семей, которые стремились обеспечить стабильный поток денежных переводов. К ним не применяли насилия при условии, что они сосредоточивали своё внимание исключительно на нуждах семьи и высылали весь заработок домой. Почти все женщины-мигранты, с которыми были проведены интервью, сказали, что они подчинялись этим социальным ожиданиям. Они были решительно настроены обеспечивать свои семьи хотя бы деньгами, необходимыми для обеспечения их материального благополучия. Это обычно включало обязательную оплату обучения в университете, расходы на проведение свадьбы, приобретение или строительство нового дома и его ремонт при необходимости, и, если оставались средства, обеспечение домов для детей и других родственников. Сюда также входили расходы на детскую одежду и обувь, уголь для обогрева домов и наличные для посещения традиционных торжеств. Способность обеспечить этот «стандартный» пакет была вопросом удовлетворённости жизнью, престижа и статуса для этих женщин-мигрантов.

В то же время многие женщины ощущали, что если бы они не сумели обеспечить свои семьи стабильным доходом, то чувствовали бы себя в

ловушке, испытывая огромное чувство вины и стыда. Такая форма финансовой эксплуатации заставляла женщин продолжать обеспечивать семью деньгами на нужды и вещи первой необходимости, которые, как видится, были бесконечны. На вопрос, что бы случилось, если бы они не смогли оправдать ожидания семьи, одна респондентка воскликнула: «С каким лицом я бы вернулась домой? Мне было бы стыдно! Что бы сказали мои люди? Люди сказали бы: «Она вообще не работала!». Это давление может помешать женщинам следовать своим собственным интересам, мотивации и целям и заставить их пойти на работу с чрезмерной нагрузкой, отрицательным образом влияющей на их собственное благополучие. В самом деле, в то время как нами были отмечены систематические и успешные усилия женщин по обеспечению своих детей и семьи денежными переводами, мы нашли очень мало доказательств того, что деньги вкладывались обратно в личностное развитие самих женщин. Напротив, имелись явные риски для тех женщин, кто, проведя годы за рубежом, трудясь в опасных и незащищённых условиях, возвращались домой и не находили там практически ничего, что могло бы принести им пользу. Одна из таких историй приведена ниже. Респондентка – женщина в возрасте двадцати с лишним лет, вернувшись домой после нескольких лет за рубежом вместе со своим мужем. Она и её муж высылали свой заработок его семье, которая использовала деньги, чтобы помочь своему старшему сыну построить дом. Она говорит:

Старший и два младших брата моего мужа не работают. Они даже не знают алфавит. Их жены тоже не знают алфавит. Они получают текстовые сообщения и не могут их прочесть. Поэтому эти братья и моя свекровь оставались дома и просто съедали деньги, которые мы высылали. В Москве мой муж начал очень сильно скучать по нашей маленькой дочери, он просто вернулся домой. Я тоже. Когда мы вернулись, моя свекровь закатила скандал, потому что дом ещё не был закончен. Теперь они с нами не разговаривают, они обижены. Нам говорят, что мы делаем вещи неправильно. Теперь нам негде жить. Нам надо вернуться на работу и на этот раз построить свой собственный дом.

Даже когда женщины-мигранты являлись основным источником заработка для своих семей, они редко могли решать, как будут тратиться деньги. Часто возвращающиеся мигранты сожалели о том, что они высылали весь свой

заработок домой и не сберегли денег сами. Слова одной из наших респонденток ярко это иллюстрируют:

Если бы мой муж меня отпустил, я бы уехала и работала. Я бы больше НЕ отправляла деньги домой, а сберегла бы их все там. Когда я там работала, я высылала деньги каждый месяц. Я оставляла достаточно денег для еды, квартиры, а все остальное отправляла домой. Когда я вернулась, для меня денег не осталось...

Во многих случаях женщины жаловались на то, что их денежные переводы не были инвестированы эффективным образом. К примеру, в Нарынской области семьи часто использовали переводы для закупки животных для размножения. Наши респонденты утверждали, что это не было стратегическим использованием средств, не сделало ничего существенного для улучшения благополучия семьи и не оправдало тяготы, которые они пережили пока были за рубежом.

Также имелись небольшие, но всё равно важные пункты несогласия по поводу того, как тратились денежные переводы. К примеру, одна респондентка, женщина-мигрант, смеялась, когда во время фокус-групп дискуссии рассказывала нам следующее:

Когда мой муж идёт в банк, чтобы снять деньги, высланные мной, он берет всех наших четырёх детей с собой. После того как он снимет наличные, он ведёт их прямо в кафе поест вкусной еды. Я умираю от голода здесь и берегу каждую монетку, а они ходят по кафе.

Эта респондентка приняла случившееся с юмором, но здесь присутствовало явное чувство несогласия по поводу того, как тратились с трудом заработанные ею деньги и сожаление о том, что её тяжкий труд не признавался.

Тот факт, что заработок женщин-мигрантов не ценился, был также очевиден в случаях, когда денежные переводы не рассматривались как «достаточно существенные» для серьёзных покупок, таких как покупка домов, машин и т.д. Неиссякаемое требование денежных переводов со стороны членов семьи заставляли женщин-мигрантов чувствовать, что их воспринимают как что-то должное, и ощущать себя под давлением. Мигранты знали, что если они не оправдают ожидания семьи, то будут страдать от глубокого общественного осуждения. К примеру, женщина пожилого возраста поделилась своим

негодованием по поводу пребывания её невестки за рубежом: «Всё, что она заработала, она потратила на себя, на детей, а не на нас. В этом доме нет ничего, что бы она купила... Поэтому я не вижу особой ценности в её поездке в Россию». Эта невестка, скорее всего, почувствует последствия, когда вернётся домой, в том числе эмоциональный стресс от жизни с недовольными членами семьи, от их озлобленности и гнева.

Помимо этой уязвимости, связанной с семьями, возвращающиеся женщины-мигранты также сталкивались с другими формами лишения экономических прав и возможностей: отсутствием доступа к услугам трудоустройства и утери профессиональных навыков (депрофессионализации). Это по большей части исходило из неофициального характера трудовой миграции. Участники фокус-групп дискуссии поделились своим беспокойством об отсутствии государственной социальной поддержки и защиты возвращающихся мигрантов:

Миграция – это результат неэффективности государства и кыргызского менталитета. Нас беспокоит то, что так много молодых людей работает нелегально, в качестве краткосрочных работников... Как будет накапливаться и начисляться их пенсия? (Участник мужской ФГД)

Трудящиеся мигранты, нанятые на законных основаниях и полностью выполнявшие требования рынка труда и налоговые требования принимающей страны, также высказывали аналогичную озабоченность. Помимо коррумпированного и хаотичного характера неформального рынка труда, мигрантов волновала их «невидимость» в государственной системе социальной защиты. Труд мигрантов и их вклад в экономику через денежные переводы официально не признаны правительством Кыргызской Республики. Социальные пособия, такие как пенсионные права, к примеру, накапливаются в соответствии с количеством лет в формальной трудовой сфере и сопровождающимися налоговыми отчислениями. Количество лет, в течение которых человек был официально трудоустроен, служит наиболее значимым фактором для расчёта ежемесячного пособия, которое люди будут получать по достижении пенсионного возраста. Эти пособия служат крайне важным источником дохода для многих людей старшего возраста. Перспектива лишиться их пугала многих мигрантов и была источником неуверенности. В отрывке ниже мы приводим ряд таких примеров:

Когда я вернулась, я не знаю... Я ещё раз скажу вам, что там мы работаем на нашего босса; там нет трудовых соглашений. Мы работаем как мигранты. Но наша работа не засчитывается в счёт государственной пенсии (как трудовой стаж). Нет такого... это означает, я достигну пенсионного возраста, я думаю, как я буду жить тогда? Я хотела бы, чтобы мы могли привозить доказательства того, что мы действительно работали, и чтобы эта работа была засчитана как трудовой стаж для пенсии... (Женщина-мигрант).

У меня не было проблем там с официальной работой и правовым статусом. Но так как я приближаюсь к пенсионному возрасту, я тревожусь. Мои дети ещё слишком малы, чтобы кормить меня. Как я получу хотя бы минимальную пенсию? Я столько лет работала в Казахстане; естественно, у меня нет пенсии. Я также работала в России, там у меня тоже нет прав на пенсию, хотя я там работаю и посылаю деньги сюда. Когда я стану пенсионеркой, какие деньги я буду получать? Это очень меня тревожит. (Женщина-мигрант)

Респонденты беспокоятся о том, что государство не признает их труд за границей действительным и законным для получения социальных льгот на родине. Для них неясно, имеет ли Кыргызская Республика соглашения с Россией и Казахстаном, чтобы гарантировать то, что годы их работы в этих странах будут засчитаны в счёт пенсии в Кыргызстане. Мало кто из женщин-мигрантов, с кем были проведены интервью, понимал эти процессы, и многие беспокоились, что их значительный вклад в экономику Кыргызстана через денежные переводы не будет признан официально. Они чувствовали, что к их работе за границей относились как к незначимой или даже невидимой, непризнанной и неоплачиваемой. Это служило источником разочарования, фрустрации и отчаяния, которые могут поставить этих женщин в уязвимое жизненное положение и крайнюю бедность.

Мигранты в нашем исследовании обычно выполняли низкоквалифицированную работу за рубежом, что могло привести к утере профессиональных навыков (депрофессионализации) и повлиять на перспективы профессионального развития на родине в Кыргызстане. Вместо формального продвижения их профессиональной квалификации, низкий статус, неформальный и депрофессионализирующий

характер работы женщин-мигрантов часто подрывал их шансы на трудоустройство по возвращении. Ниже приведено несколько ярких примеров.

Для одной из наших респонденток пребывание за рубежом прервало её карьерный путь

До того [как я уехала] моя жизнь была лучше. Потому что я работала здесь [в Кыргызстане], и у меня была хорошая зарплата. Я могла себя обеспечивать. Там [в Москве] мне пришлось работать на кого-то другого, и моя жизнь была гораздо хуже. Я вернулась. Я стала безработной. Я не могла вернуться на старую работу. Один год я ходила тут и там и не могла найти работу. Я взяла кредит и начала работать на базаре и в течение месяца мне пришлось выплачивать кредит обратно, а я не могла. Было гораздо сложнее, так как мне пришлось выплачивать кредит сразу.

Другая респондентка, мигрант из деревни, работала учительницей в местной школе и не нашла гарантии занятости, когда вернулась:

Когда я вернулась, мне не дали полную учебную нагрузку. Мне пришлось согласиться преподавать на половину ставки, а также в соседней сельской школе. Завуч сказала, что директор школы хотел(-а) дать мне меньше работы, потому что я уехала два года назад. Что я могу сделать? Я работаю в двух школах без выходных. Но я не могу так много ходить, и мне нужны выходные...

Возвращающиеся мигранты часто обнаруживали, что они потеряли доступ к профессиональным сетям и деловым возможностям, пока находились за рубежом. Для них было практически невозможно поддерживать свой прежний статус или вернуться к успешному бизнесу, который они оставили в Кыргызстане. К примеру, одна вернувшаяся женщина-мигрант из сельской местности на юге объяснила, как она управляла небольшим круглосуточным магазином перед тем, как уехать в миграцию:

Я смогла его развить, так как у меня было много знакомых, я красноречива. Каким-то образом я смогла сделать так, что магазин стал известным. Видите, о чём я говорю? Все приходили туда, множество людей... все к нему привыкли ... (Женщина-мигрант)

Когда она вернулась, владелец здания использовал её отсутствие для своей выгоды и повысил аренду до уровня, который она не могла себе позволить. Описывая эту ситуацию, она сказала:

Я знала, что не сумею справиться. В тот момент, я... (вздых), полгода я еле справлялась. Мне пришлось сидеть дома несколько месяцев. Но сидеть дома с двумя детьми без единой копейки... без единой копейки поддержки... Для меня это было очень тяжёлое время. Расходы... я хотела работать, но работы не было. Я хотела управлять собственным делом...

Подобные истории, судя по всему, противоречат литературе, в которой женская трудовая миграция представлена как мост из бедности. Пример, приведённый выше, демонстрирует, каким образом трудовая миграция может ухудшить перспективы трудоустройства женщин, привести к потере профессиональных и социальных связей на родине и увеличить долговую нагрузку возвращающихся мигрантов вследствие депрофессионализации и неформальной структуры.

К тому же женщины могут столкнуться с общественным порицанием, направленным на то, чтобы заставить их сожалеть о решении уехать в миграцию: «На меня показывали пальцем и насмехались надо мной. Ты глупая! Зачем ты вообще уехала. Ты только что потеряла работу!», - рассказала нам одна из женщин-мигрантов. Другая выразила страх, что низкий статус её работы за границей мог разрушить её репутацию на родине:

Если бы кто-нибудь из моей деревни увидел меня подметающей грязные улицы в Москве... Ну, я не думаю, что они были бы обо мне хорошего мнения, и они распространяли бы плохие слова [обо мне] по всему району.

Женщины в общем переживали по поводу депрофессионализации (утери профессионализма). Женщина-мигрант, инженер по образованию, работавшая посудомойкой в миграции, поделилась своими переживаниями:

Мои учителя, обучавшие меня, мне их было очень жаль. Я так многому научилась у них, для меня они были примером для подражания. Теперь они работают домашней прислугой, дворниками, няньками... Мне это противно, потому что... как это выразить - потому, что наши люди страдают.

В обществе, где многое зависит от совместных связей, испорченная профессиональная репутация является серьёзной проблемой.

Существует понятие «убогости» (immiserability) миграции (Паррадо и Флиппен, 2005 г.), связанное с ухудшением качества жизни среди возвращающихся мигрантов. В исследовании НСК и ЮНФПА (2016 г.) в большинстве ответов указывалось, что женщины и мужчины, возвращающиеся из трудовой миграции, сталкивались с такими проблемами, как ухудшение здоровья, трудности с трудоустройством, отдаление от детей и ухудшающиеся отношения с супругами. Наши данные подтвердили эти выводы и дополнили их вызовами и решениями, с учётом нюансов и гендерных аспектов. Что касается решений, то женщины активно искали эффективные пути устранения и решения вызовов, поставленных перед ними «убогостью» (immiserability) миграции по возвращении. Однако, очевидно, что они также столкнулись с постоянными гендерно-обусловленными вызовами, которые, как мы утверждаем, вытекают из гендеризованного понятия «женщины-трудящегося мигранта», которое мы обсудим в следующем разделе.

Общественные ожидания и требования

В Кыргызстане мужчины, как отцы и мужья, а также мужское сообщество в целом, полагают, что их мужественность находится под угрозой из-за трудящихся женщин-мигрантов, которые берут на себя роли, обычно рассматривавшиеся в качестве основы мужской чести и национальной гордости. Пытаясь осмыслить эти гендерные угрозы, и женщины, и мужчины вовлечены в процесс социального конструирования женской трудовой миграции для того, чтобы снизить её угрозу. Отдельные мужчины и женщины, например, относятся к миграции женщин как к временному явлению, после которого все вернётся к «норме». Следовательно, женщины и их трудовая миграционная деятельность могут рассматриваться как инструментализируемые для общего социального блага. Мы утверждаем, что данный процесс привёл к представлению женщин-мигрантов как «других», из-за чего труд и вклад женщин воспринимаются как «не совсем» работа, а они сами - как «не совсем» работники. Это оказывает пагубное влияние на женщин, увеличивая физическое и эмоциональное бремя их работы и отрицательно сказываясь на расширении их прав и возможностей.

Одним из наших главных аргументов является то, что в контексте представления кыргызских женщин-мигрантов как «других» их сначала изображают в качестве жертв ужасной бедности дома, отчаявшихся и великодушных матерей, готовых пожертвовать собой. Такое повествование о страданиях давало мужчинам эффективное обоснование с гендерной точки зрения, чтобы отправить своих женщин в качестве трудящихся мигрантов. Когда женщина зарабатывает благодаря работе, считающейся по какой-либо причине «не совсем» работой, их роль кормильцев представляет меньшую угрозу для уязвимого чувства мужественности мужчин, остающихся дома.

Восприятие «природной» надёжности женщин и их стремление заботиться о своих семьях также послужили оправданием женской трудовой миграции, которая не подрывает предполагаемые обязанности мужчин в качестве кормильцев. Мы отмечали, что образ страдающей трудящейся мигрантки был возведён до возвышенной и идеализированной риторики чистоты, достоинства и долга. Эта идеализированная романтическая концептуализация подчёркивает относительное преимущество женской миграции по сравнению с мужской, основанной на предположениях о более крепких связях женщин с семьёй, а также их врождённом усердии и ответственности. Ниже приводятся выдержки из соответствующих интервью:

Женщины выносливее. Они думают только о своих семьях, предпринимают больше усилий; они больше стараются заработать деньги для своих семей. (Участник мужской ФГД)

Женщины более ответственны; они знают, что им нужно выплатить долги. (Участник мужской ФГД)

...Женщины более выносливы и трудолюбивы, чем мужчины. Именно она часто подталкивает его выйти за рамки привычного для того, чтобы жить лучше, или, по крайней мере, переехать с места ради заработка для семьи. (Мужчина, не являющийся мигрантом)

Положительное, как кажется, изображение женщин более ответственными по своей природе мигрантами само по себе содержит злой умысел, поскольку оно налагает социальные ожидания и строгие правила на «порядочную кыргызскую женщину-мигранта». Это давление было

значительным, однако может быть легко разрушено и усилить стигматизацию и виктимизацию женщин-мигрантов. Поэтому кыргызские женщины-мигранты должны были систематически предоставлять подтверждение того, что их опыт миграции соответствует навязанному им идеализированному образу. Мы выслушивали людей, которые говорили нам:

Женщины? Ну, женщины... они должны помнить о том, что они женщины и что, когда они вернутся в Кыргызстан, люди здесь должны придерживаться хорошего мнения о них. О них не должны ходить плохие слухи. Если она едет одна, может случиться все, что угодно... (Участник мужской ФГД)

От женщин постоянно ожидалось, что они будут следить за своим поведением и не вызывать каких-либо подозрений. В отношении мужчин подобные предупреждения не высказывались. Тем не менее, было очевидно, что попытки женщин избежать подозрения с самого начала осложнялись некими извечными сомнениями в том, что они не смогут сопротивляться соблазнам большого города. Мы слышали такие описания: «*Эти женщины не могут себя контролировать...*», «*Девушки, в отличие от парней, начинают вызывать одеваться. Они возвращаются и становятся... как говорят «распутница, познавшая вкус города»* и т.д. В этих и других интервью сексуальное поведение являлось как главной темой, так и источником резкой критики. Например, мы услышали, что:

Образ «аморальных» женщин-мигрантов присутствовал даже в тех случаях, когда было очевидно, что они являются жертвами гендерно-обусловленных миграционных рисков. Их уязвимость часто приписывалась отсутствию защиты, их физической слабости, наивности, нехватке опыта и т.д. Мы слышали мнения, такие как: «*Если женщина поедет, она столкнётся с давлением. С ней будут разговаривать свысока*», или «*Женщин там обманывают*», или «*Они становятся сексуальными рабынями*» и «*Наши кыргызские девушки становятся жертвами*». Другой респондент сообщил нам:

Женщин могут изнасиловать. Им будет не к кому обратиться, некому рассказать. Им будет слишком стыдно рассказать об этом кому-нибудь, потому что они будут опасаться сплетен. Они будут бояться опозорить честь своих семей. (Участник мужской ФГД)

Риторика в отношении сексуального поведения женщин и того, что они являются потенциальными жертвами изнасилования или других форм гендерного насилия, имела те же последствия: женщины могли подвергнуться социальному отчуждению и стигматизации.

Брак с женщиной некыргызской национальности или гражданства также классифицировался как сексуальная распущенность и являлся возможным источником ущерба для репутации не только семьи женщины, но и её сообщества и нации, в целом:

Трудовая миграция – это отдельная структура. Государство получает от неё выгоду. Но трудовая миграция представляет собой угрозу для национальной безопасности. Если они [женщины] выходят замуж за иностранцев, то они создают врагов кыргызского народа. Они рожают племянников наших врагов. (Участник мужской ФГД)

В действительности, некоторые участники верили, что женская трудовая миграция должна рассматриваться в контексте национального развития и гордости. Как заметил один из респондентов: «*[Если женщины] поедут за рубеж, то вся страна выиграет благодаря их денежным переводам*» (участник мужской ФГД). Ниже бывшая трудящаяся мигрантка, женщина тридцати лет, интернализирует эти взгляды и советует потенциальным женщинам-мигрантам:

Я понимаю, что мы все люди и у каждого из нас своя жизнь, но мы не имеем права позорить нашу нацию, нашу родину. Если вы патриоты, то вы должны показать, что ими являетесь. Если вы едете на заработки, то зарабатывайте деньги, а возможность эту вам предоставляет государство. Но это не заставляет вас спать со всеми, пить и курить и так далее. Ведите нормальную жизнь и так же зарабатывайте деньги. Это также принесёт вам больше уважения.

Категоричные заявления, такие как «*Если поедет мужчина, он сможет жениться на другой. Если поедет женщина и выйдет за другого мужчину, то крах потерпит все государство*», также встречались часто и отражали глубоко укоренившиеся лицемерные убеждения о гендерной роли женщин в обеспечении стабильности нации и государства, а также их собственных семей.

Мы выявили наличие согласия в том, что «*Если женщина неправильно поступает, то этим позорит своего мужа*» (участник мужской ФГД), а,

следовательно, также сообщество и нацию. Таким образом, чистота и высокая нравственность кыргызских женщин рассматривались как неразрывно связанные с хорошей репутацией кыргызской нации. Женщины, которых обесчестили, могли подвергнуться наказанию, насилию и общественному осуждению. С учётом данного контекста неудивительно, что исследование НСК и ЮНФПА (2016 г.) обнаружило, что больше половины всех респондентов (51 процент женщин и 55 процентов мужчин) поддерживали деятельность кыргызских националистических организаций в России, которые пытаются поддерживать моральный образ женщин из Кыргызской Республики, выискивая женщин «плохого» поведения для того, чтобы раздевать, избивать и записывать их на видео, размещая фото и записи в интернете в качестве наказания. В то же время, лишь чуть меньше 80 процентов участников одобряют относятся к кыргызским мужчинам-мигрантам, которые заводят за рубежом новые семьи.

Контроль за поведением женщин, особенно сексуальным поведением, имел исключительную важность, поскольку женщины «...в качестве жен и дочерей являются носителями мужской чести» (Нэйгел, 1998 г., стр. 256). Регулирование сексуальной жизни кыргызских женщин-мигрантов принимало разные формы и оказывало различное влияние на их мобильность. Участница ФГД утверждала, что «Если девушки едут сами, то это очень рискованно. Они даже не спят дома. Они беременеют и идут к «черным» докторам. Поэтому мы в [название города] не отправляем своих дочерей». Члены семьи могут полностью запретить потенциальной мигрантке уехать из-за опасений того, как миграция может повлиять на её сексуальную жизнь и, следовательно, это отразится на репутации нации. В нескольких случаях мы наблюдали, как семьи пытались восстановить свой контроль, запрещая женщинам повторно мигрировать после того, как наиболее острые финансовые проблемы домохозяйства были решены. Например, одна вернувшаяся мигрантка среднего возраста, являвшаяся невесткой пожилой женщины, поделилась с нами своим недовольством:

Я дала образование всем моим детям. Мы построили для себя дом. Мы переехали в наш дом. Я хотела вновь поехать, потому что в новом доме были лишь голые стены, но моя свекровь не отпустила меня.

Кыргызские мигрантки, находящиеся под подозрением или рассматриваемые в качестве моральной угрозы для своих семей, могут столкнуться с повышенным общественным контролем со стороны членов семьи, особенно своих отцов и мужей. Под видом обеспечения защиты члены семьи использовали методы удаленного контроля. Это могло означать, что уезжавших женщин сопровождали или принимали родственники, либо они становились частью существующей надежной социальной сети. Во всех наших интервью с женщинами-мигрантами они указывали на доступ к какой-либо безопасной сети в стране назначения. Как сказал один мужчина, муж трудящейся мигрантки, «Как вы отпустите её в незнакомую страну? Как вы позволите своей женщине поехать одной? Вы не сможете... Она [его жена] поехала со своей сестрой. Они поехали вместе. Она поехала со своими людьми». Для этого респондента было очень важным то, что его жена не была одна во время миграции. В другом случае муж женщины-мигранта убедился в том, что его жена за рубежом будет надёжно защищена и находится под надзором родственников-мужчин (мужа сестры его жены).

Современные коммуникационные технологии также широко использовались для мониторинга членов семьи. Муж вернувшейся мигрантки сообщил нам, что он звонил своей жене по два или три раза в день с помощью «IP телефона» для того, чтобы «...убедиться, что она дома, что она благополучно добралась до дома». При разговоре с нами его жена со смехом рассказала о том, как это было:

Это происходило раз пять в день. Я смеялась; это было похоже на ежедневный пятикратный намаз. Да, люди молятся пять раз в день, а ты мне звонишь по пять раз в день. Звонки из Кыргызстана были дешевле, и он продолжал мне звонить. Я тоже иногда звонила, чтобы поговорить. Пять раз в день с моим мужем, три раза в день с моими детьми.

Данная практика позволила этим мужчинам создать образ мужа, который продолжает выполнять свою функцию по защите и контролю в семье. Для женщин подобное повышенное внимание к их свободному времени мешало выполнению ими должностных обязанностей и отрицательно сказывалось на их мотивации в профессиональном развитии.

Другая форма контроля женщин за рубежом

заклучалась в их инструктировании, как правильно себя вести и одеваться. Ниже мы приводим те советы, которые женщинам-мигрантам дают в родных сообществах:

Понимаете, вы живете в селе как обычная женщина и потом едете в город. В большом городе вы живете в комнате с другими молодыми женщинами. И вы смотрите на этих молодых людей и начинаете пользоваться косметикой! (Участник мужской ФГД)

Когда они уезжают работать, эти девушки могут посещать ночные клубы и могут испортиться. Коллеги с работы ходят в ночные клубы, и поэтому им тоже приходится посещать ночные клубы. Они меняются в худшую сторону, не в лучшую. (Участник мужской ФГД)

Обычное поведение, такое как использование косметики или участие в корпоративных социальных мероприятиях, таким образом, рассматривается как наносящее урон репутации женщины. Подобные мероприятия сразу же конструируются в качестве «непристойных» и ассоциируются с аморальностью. Вызывает беспокойство явное противоречие между требованиями к «благопристойному» поведению и требованиями к работе женщин. Кыргызские женщины-мигранты рассказали нам о требованиях их работодателей выглядеть презентабельно, ухоженно и опрятно:

Мы работали в хорошем ресторане, мы должны были хорошо выглядеть. Мы могли видеть разных звезд, таких как Пугачева и Киркоров. Каждый день мы просыпались, умывались и аккуратно укладывали свои волосы, приходили на работу, выглядели так мило, а затем – мыли полы. (Две участницы ФГД с

Когда женщины не соответствовали ожиданиям своего работодателя, существовал риск, что это будет воспринято как неспособность с их стороны поддерживать корпоративный дух, работать в команде и расти профессионально. Это могло отрицательно сказаться на их способности зарабатывать деньги, что являлось изначальной целью их миграции.

Влияние миграции на детей и учителей

Хотя многие женщины-мигранты, как описано выше, работают за рубежом для того, чтобы заработать денег для своих детей, они часто сталкиваются с публичными обвинениями в том,

что они «бросают свои семьи», и их решение мигрировать представляется как эгоистичное и безответственное. Например, участники в фокус-группах рассказывали о негативном влиянии отсутствия матери на благополучие её детей. Участники говорили: «Я против миграции девушек. Когда уезжают девушки в возрасте 25-30 лет, это плохо. Их дети останутся без присмотра. Они вырастут необразованными [темными]». (Участник мужской ФГД). Некоторые женщины-мигранты сами говорили: «Так жалко. Женщины не видят, как растут их дети, что с ними происходит. Мы стремимся лишь заработать денег и теряем наше время вдали от дома, нашей родины» или «Единственное, что я хочу сказать, какой бы ни была ситуация, матери не должны оставлять своих детей. Это то, что я хочу сказать матерям, которые уезжают ради заработка денег». Некоторые женщины сообщили, что дети «наказывали» их: «Дети перестали со мной разговаривать по телефону»; «Мой сын стал безразличен по отношению ко мне. Он отдалился от меня. Он перестал доверять мне, раньше повзрослел, по тому что так сильно скучал по мне». Временами родственники также нагнетали обстановку. Например, респондентка, слова которой приведены ниже, приехала домой в краткосрочный отпуск и столкнулась с травмировавшим её случаем:

Ей [моей дочери] было почти четыре года. И когда мы приехали, меня встретили мой младший брат и его жена. Очень трудно уезжать, когда твоя дочка такая маленькая. Поэтому они сказали моей дочери, что жена моего брата – её мать. Затем однажды они спросили у моей дочери: «Где твоя мама?», и она показала на жену моего брата. Мне стало так больно, и я начала плакать.

Женщин-мигрантов также часто обвиняют в том, что они бросают своих мужей, подталкивая их к депрессии или алкоголизму после своего отъезда. Одна из таких респонденток рассказала нам: «Мой муж без меня становился алкоголиком. Мне сказали, что я пересылала слишком много денег и сделала его алкоголиком». Свекровь этой женщины настояла на том, чтобы она вернулась, и не отпустила ее обратно на работу в Россию. В другом случае свекровь независимой женщины-мигранта постоянно угрожала найти другую жену для своего сына, настаивая, чтобы она лучше заботилась о нем. Подобное возложение вины представляет собой еще одну форму уязвимости женщин, которых трудовая миграция не освободила от роли главного кормильца в семье.

Дети трудящихся мигрантов также сталкиваются с социальным отторжением, особенно в своих школах. Мы провели интервью с учителями шести школ из различных районов страны, все из них подчеркивали, что для хорошей учебы в школе их ученикам требовалось присутствие родителей, особенно их матерей. Они утверждали, что наблюдались различия в поведении и мотивации, даже физическом развитии учеников, матери которых не проживали дома. Учительница начальной школы привела конкретный пример:

Когда её мать вернулась, я сразу это заметила. Когда она вернулась, девочка сразу изменилась. Она ожила, засияла и стала более открытой. Она стала более живой... [...] Она стала лучше учиться, перестала пропускать уроки.

Все школьные учителя без исключения считали, что матери являются главными при воспитании и, соответственно, неодобрительно относились к женщинам-мигрантам, которые оставили своих детей. Отклонения в развитии детей, особенно девочек, лишенных такого материнского ухода, были весьма заметны. Одна учительница, участвовавшая в интервью, заметила, что «*Когда в миграцию уезжает отец, это не настолько сильно затрагивает детей*». Среди других высказанных мнений были следующие:

Ну, мы живём в веке недостатков. Матери весьма важны для воспитания детей. Именно мать даёт им хорошее воспитание. Отец не настолько близок к детям. Лучше, если в поисках работы будут мигрировать отцы.

Мужья пьют. Я рассказываю вам это из собственного опыта. Я всегда привожу подобные примеры. Я думаю, что лучше, когда уезжают отцы, а матери остаются воспитывать детей, рядом со своими детьми. После того как отец напьётся, какое воспитание получит ребенок? За ребенком не будет должного ухода.

Действительное или кажущееся отсутствие «нормального ухода» за детьми в семьях мигрантов привело к стигматизации этих детей. Мы узнали, что отношение и обращение с ними в школе было иным:

Ранее мы называли неблагополучными семьями те, в которых наблюдалось насилие, алкоголизм, наркотики. Сегодня, к сожалению, этот список включает в себя детей мигрантов. Это весьма прискорбно. Я говорю вам это как педагог.

Например, в моём классе есть три девочки. Одна девочка живет со своей бабушкой, потому что её мать покинула семью. У другой и мать, и отец находятся за рубежом. И последняя наполовину сирота, чей отец жив, но оставил её для того, чтобы зарабатывать деньги.
(Школьная учительница)

Для школьных учителей дети трудящихся мигрантов создают им дополнительную персональную и профессиональную нагрузку. Все учителя, опрошенные в рамках интервью, сообщили, что они «стараятся заменить им матерей». Безусловно, они неоднократно и безуспешно обращались к опекунам детей, но, в конечном итоге, использовали свои собственные ресурсы, такие как время и деньги, для обеспечения их благополучия:

Я сама попыталась стать ей матерью, я помогала ей. Я также разговаривала с ее отцом.

Когда мы проходим сложные предметы, мы помогаем им. Потом, у нас есть школьные мероприятия, но у них нет матерей, поэтому я отдаю за них собственные деньги. Ты жалеешь их, ты отдаешь что-нибудь. Я разговариваю с их семьями. В конечном итоге, вы вкладываете в них. Например, 8 Марта [празднование Международного женского дня], все поздравляют друг друга, и если кто-то не поздравит [с вручением подарка] и если её не поздравят [с вручением подарка], то на неё косо смотрят.

Когда ребенок не получает сладостей [на Новый год детям дарят подарок в виде мешочка со сладостями], он плачет. Вы должны одинаково относиться к этим детям. Вы действительно должны выполнять роль их матерей.

Работа по «равному отношению» часто означала, что учителя из собственного кармана выплачивали расходы, которые они считали важными для психологического благосостояния детей, а также для того, чтобы обеспечить их участие в школьных мероприятиях. Большинство учителей, которые участвовали в интервью, закупили канцелярские принадлежности для детей мигрантов в начале года, несмотря на то что их собственные зарплаты были очень низкими. В дополнение, эти учителя считали необходимым заняться эмоциональной и терапевтической работой, которой, как они считали, были не обучены:

Иногда учителю приходится быть актером. Мы должны учиться всему и затем вести себя беспристрастно и справедливо. Мы также должны

Сверху вниз:

Респонденту GSPS, внутреннему мигранту, 17 лет, и она ожидает второго ребенка.

© ООН-женщины/ Эльёр Нематов

В то время как сестра респондента GSPS работает над своими домашними заданиями, ее первый ребенок, который родился, когда его маме было 15 лет, пытается ползать. © ООН-женщины/ Эльёр Нематов

работать в качестве психологов. Мы должны поступать так, как лучше для них и не терять ни единого дня.

Школьные учителя взяли на себя эту дополнительную работу, не рассчитывая на дополнительное вознаграждение или повсеместное признание. Напротив, школьная администрация еще больше увеличивала нагрузку учителей, обязуя их посещать дома детей мигрантов с целью проверки их условий проживания и предоставления регулярных отчетов. Это считалось частью их обычной рабочей нагрузки. Но подобный мониторинг также мог усилить стигматизацию детей, усугубляя их уязвимость. В конечном итоге ожидалось, что именно матери по их возвращении решат проблему стигматизации детей.

Решение вопросов, связанных с общественными ожиданиями и рисками социального отторжения

Женщины-мигранты пытались снизить свое чувство вины, поддерживая тесные связи с членами своей семьи. Они концептуализировали «эмоциональную работу по уходу» или демонстрацию материнской любви как что-то, что можно осуществлять на расстоянии с помощью телефонных звонков, социальных сетей и дарения подарков. Однако в то же время они подчёркивали, что этого было недостаточно и что они страдали, находясь вдали от детей. Одна респондентка описывала: «В тот момент, когда я собиралась в Бишкек в аэропорт, моя дочь, в то время девятиклассница, обняла мои ноги и заплакала, и не хотела отпускать меня. В Москве я вновь вспоминала эту сцену и мое сердце обливалось кровью, я плакала».

Однако в некоторых редких случаях женщинам-мигрантам удавалось организовать работу по уходу за домом в своё отсутствие, ставя задачи перед другими членами семьи, в том числе своими мужьями. Дедушки и бабушки, старшие дети, особенно дочери, и мужья ухаживали за детьми и оказывали другую помощь, такую как приготовление еды и работа по дому. Некоторые женщины сообщили, что им удалось оспорить традиционные гендерные роли дома и наладить важное сотрудничество со своими мужьями по совместному уходу за детьми. Это дало женщинам чувство уверенности в своих силах и возможность дифференцироваться от стереотипа женщин-мигрантов, которые просто бросили свои семьи. Однако таких женщин было немного, и они

подчеркивали, насколько это редко и как им повезло с такими надёжными и готовыми поддержать их мужьями. Эти собеседницы рассказали о том, как их мужья, сами бывшие трудящиеся мигранты, не только обеспечивали уход за детьми, но и давали дельные советы о том, как себя вести вдали от дома:

Ты приезжаешь домой и некоторые мужья ругают своих жён. До моего отъезда мой муж велел мне купить длинную ночнушку. Почему? Потому что он сказал мне, что я буду спать в одной комнате с другими людьми. Он понимал. Другие не понимают, они слышат об этом, у них появляются плохие мысли и они [верят] слухам.

Мой муж сказал мне коротко постричь волосы и одеваться, как женщина из города. Он сделал меня городской девушкой! Он велел мне ходить спокойно, чтобы ФМС (Федеральная миграционная служба России) не беспокоила меня.

Их мужья подтвердили эти слова:

Когда она уезжала, я чувствовал себя уверенно. Она посоветовалась со мной и семьей. «Если ты хочешь этого, тогда езжай», сказал я. Я не ругал её, я дал своё согласие.

Наши дети были маленькими, и за ними надо было смотреть. Как их отец, я ухаживал за ними в течение двух лет и хорошо воспитал их.

Поскольку мужчина является хозяином в доме, ты берёшь на себя роли и отца, и матери. Это двойная работа. Если ты этого не делаешь, то это неправильно. Если ты не заботаешься о них, дети голодают; если ты не одеваешь их, они будут плохо одеты. Ты должен дать им образование и воспитать их. Это то, что я сделал как отец.

В некоторых случаях за детьми смотрят старшие дети, чаще всего дочери. Одна молодая участница описала жизнь своей старшей сестры, когда мать была в отъезде:

Ей было трудно; на её плечи легла вся ответственность; она делала всё. Да, утром она ходила в школу или университет, приходила домой и убирала, и всё делала. Она делала свою домашнюю работу ночью и рано утром и шла на свои уроки. Когда мамы не было, моя сестра очень тепло заботилась обо мне; она обнимала и целовала меня, баловала меня.

В других случаях женщины оставляли своих детей со своей свекровью. Обычно этот выбор был продиктован патрилокальной традицией и помогал бороться с негативными стереотипами в связи с отъездом женщины. Женщины без устали хвалили своих свекровей:

Моя бедная свекровь! Спасибо вам огромное! До своей смерти она заботилась о моих детях. Если бы она этого не сделала, как бы я уехала? Я буду благодарить её до конца своей жизни! Она ухаживала за моими детьми, как будто они были её собственные. (Женщина-мигрант)

Моя дочь не забыла нас благодаря моей свекрови. Она рассказывала ей, что у неё есть мама и папа. Она показывала ей наши фотографии. Она показывала ей наши фотографии через интернет, WhatsApp, Одноклассники [российский веб-сайт социальной сети]. И она [девочка] не забыла нас. Когда мы вернулись, она сразу узнала нас. (Женщина-мигрант)

В то же время это могло усилить существующее неравенство между женщинами и их свекровьями, которое часто является заметным в домохозяйствах Кыргызстана. Женщины обращаются за разрешением и благословением своей свекрови для поездки за рубеж и затем оказывают ей материальную поддержку. Ниже приводится один из многих примеров:

Конечно, ей [свекрови] это не понравилось, но она не показала этого. К тому же я старалась; я знала, что она заботилась о моих детях и что у неё много работы. Я старалась дарить ей подарки на каждый праздник и каждый раз, когда я приезжала домой, я благодарила её [деньгами]. (Женщина-мигрант)

Когда женщины-мигранты могли показать своим сообществам, что они по-прежнему эмоционально и материально связаны со своими семьями и обеспечили крепкую семейную поддержку для выполнения обязательств по дому, они могли снизить социальное осуждение в отношении себя и своих семей. Это позволило им улучшить свои финансовые возможности и возможности общения без ущерба для своей репутации.

В то же время для сохранения своей хорошей репутации некоторые женщины также умышленно неодобрительно отзывались о других женщинах-мигрантах для того, чтобы показать свое явное отличие от них. Ниже мы приводим примеры

подобного дистанцирования одной из наших собеседниц:

И если честно признаться, вы знаете ещё что? Я говорю вам, что женщины там становятся избалованными. Мне это очень не нравится. Вы знаете, это были женщины, которых я знала, мы общались, когда были там. Две или три женщины были моими одногруппницами в университете, и теперь они ведут себя с мужчинами неподобающим образом. Однажды мы решили встретиться в МакДональдсе. Ведь мы были в Москве, не видели друг друга в течение долгого времени. Я думала, что это замечательно и отпрашилась с работы на весь день. Хотя я работала по тридцать одному дню в месяц, потому что я приехала сюда работать... Таким образом, мы встретились в МакДональдсе, и моя одногруппница пришла с русским бойфрендом. Мне это не понравилось. Я не осталась с ними. Я сказала ей: "Знаешь, я сюда пришла только на пару минут. Мне нужно сейчас идти домой". И я пошла домой и заснула. У меня очень доверительные отношения с моим мужем. Я даже не позволяю себе разговаривать с другим женщиной. Для меня это уже измена, не говоря о том, чтобы сидеть и общаться с ними и выпивать, как делают мно-гие из наших женщин. Для меня теперь это ста-ло делом принципа.

Для неё было важно представить себя в качестве преданной и верной жены, которая приложит все усилия, чтобы отделить себя психологически и физически от кого-либо, чье поведение может рассматриваться как социально неприемлемое. Интервью другой респондентки является примером более общего дистанцирования:

Если вы поехали туда, то вы должны работать. Без разницы, мужчина вы или женщина. У меня была цель заработать денег для семьи, по веским причинам. Именно поэтому люди туда и едут. И когда я увидела... особенно когда я жила в общей квартире... Я видела множество историй. Я видела многое. Некоторые женщины нравственно портились. Их жизнь была испорчена. Были и некоторые молодые девушки. Я поехала одна и не делала неправильных вещей. Вы поехали туда работать, верно? Значит, вы работаете. Вот какой там была моя жизнь.

Очевидно, что эти респондентки придерживались социальной конструкции «порядочных» мигранток как асексуальных. Фактически женщины использовали несколько стратегий для

«десекуализации» в отношении себя с тем, чтобы избежать каких-либо слухов. Одна незамужняя молодая женщина рассказала нам, что представлялась замужней женщиной с тремя детьми для того, чтобы не рассматриваться в качестве вероятной цели романтических и сексуальных ухаживаний за границей. Другая рассказала, как она однажды сбежала с квартиры знакомой, потому что не хотела находиться там, где имели место внебрачные половые отношения. Некоторые представлялись как асексуальные люди, как например, собеседница, которая рассказала о своей жизни в миграции следующим образом:

Я могу жить без этого [половой активности]. Я поняла, что мне безразлично, будет ли у меня обычная половая жизнь или нет; я даже об этом не думала... нужна ли она вообще или нет....

Другая вернувшаяся мигрантка объяснила, что она «забыла» о том, как быть близкой со своим мужем:

С моим мужем моя первая проблема была очень интимной. Я разучилась ... (смеясь). Можете ли вы представить себе, три, четыре месяца без... Я думаю, что я стала менее страстной... Я честно рассказываю вам. Я приехала домой и не могла привыкнуть к ласкам. Выяснилось, что за четыре месяца я так отвыкла от этого. Это было моей первой проблемой.

В качестве примера крайней формы собственной десекуализации мы неоднократно слышали в одном селе историю женщины, которая родила младенца во время полёта:

Эта женщина-мигрант забеременела, находясь в России. Она оставила своего четырёхлетнего сына в зале выдачи багажа аэропорта «Манас», как только она увидела каких-то знакомых из своего села. Этого мальчика в итоге нашли сотрудники аэропорта, но после тщательных поисков родителя никто не захотел его забрать.

Возвращение домой с ребёнком, зачатым во время отсутствия, определённо являлось доказательством того, что мать вела активную половую жизнь. Женщина скорее предпочла дистанцироваться от этого факта и избежать связанных с этим последствий для себя и своей семьи, чем растить своего сына. Страх стигматизации был настолько велик, что он заставил её выбрать радикальное решение.

При обсуждении своего миграционного опыта женщины, участвовавшие в интервью, как правило, формулировали его с помощью гендерных выражений, подчеркивая свою роль матерей и жён, а свою миграцию – как акт семейной верности и самопожертвования. Когда женщины-мигранты описывали себя с помощью подобной риторики, мы обнаружили, что они не могли быть независимыми и самостоятельными. Когда их присутствие дома считалось необходимым, от них ожидали, что они немедленно приедут домой. Одна из респонденток, Гульзада, работала в типографии в Москве и заработала достаточно средств на дом для своей семьи и проведение двух больших свадебных торжеств для своих детей. После инсульта её мужа дети попросили её вернуться. Она рассказывает: «Они поставили условие: «Мама, всему есть предел, нам не нужны твои деньги, нам нужна ты! Если что-то случится с папой, мы тебя не простим!»

Другую респондентку, Зарыл (имя), уговорила вернуться её дочь, которая выходила замуж и нуждалась в том, чтобы мать находилась рядом. Зарыл объяснила: «Мне было слишком стыдно подумать, что моя дочь выйдет замуж и рядом не будет родителей. У меня не было выбора, и я вернулась домой ради неё». Стареющие родственники мужа и родители, ухаживая за детьми женщин-мигрантов, часто ожидают, что эти женщины вернуться и будут заботиться о них в их старости. Например, Наргиза нашла хорошую работу в Москве, но вскоре после того, как она уехала, умерла её мать. Ей не удалось вернуться достаточно быстро, чтобы увидеть свою мать живой. Её родственники велели ей не возвращаться. Сестра Наргизы сказала ей:

Всё. Остановись. Видишь, тебе не удалось увидеть маму живой. Сейчас у тебя есть пожилые свекровь и свёкор. Подумай о них. Ты у них единственная келин [невестка]. Если ты уедешь и что-то случится, всё, что ты там зарабатываешь, не будет здесь иметь значения. Подумай!

Наргиза осталась в Кыргызстане для того, чтобы заботиться о престарелых членах своей семьи, оставив свои вещи и рабочие инструменты в России.

Религия как способ преодоления кризисных ситуаций (копинга)

Общественное осуждение независимой женской миграции было особенно заметно при его

обсуждении в отношении религии, в основном, с точки зрения Ислама. Самостоятельная миграция женщин воспринималась, в целом, как противоречащая мусульманским верованиям. Убеждение, что: «Женщине запрещается уезжать одной. Если она поедет одна, то Бог видит... это неправильно, согласно исламу, этого нельзя делать» (участник мужской ФГД) неоднократно озвучивалось во многих ФГД. Мужчины высказывали единодушное мнение, что «Жёны тех, у кого религиозное мировоззрение, находятся дома. Она может быть голодна, она может быть сыта, но она должна быть довольна тем, что её муж приносит домой» или «У нас, мусульман, есть правило, что мужчины не могут позволить своим жёнам уехать» и т.д. В очень религиозных общинах и семьях женщины-мигранты чаще сталкивались с более высокой степенью социальной изолированности и отчужденности.

В рамках нашего исследования мы выявили, что некоторые женщины стали более религиозными после возвращения домой. Причина или мотивация для этих изменений не была ясна. Например, дочь женщины-мигранта, вернувшаяся трудящаяся мигрантка, рассказала:

Мне понравилась Москва. Там [в отеле] работало 120 кыргызов. Регистрация и патент не были проблемой. Но моя мама позвала меня обратно домой. Когда я приехала домой, я сразу же покрыла голову. Через месяц я начала читать намаз (молитвы).

Для женщин такое поведение может быть средством защиты от сплетен и рисков для репутации, а также способом улучшения перспективы замужества, особенно в более религиозных общинах. Например, во время интервью с молодым мужчиной наша исследовательница спросила, как бы он относился к женщине, которая бы ла трудящимся мигрантом. Ответ респондента был ясен: «Ну, я посмотрю. Если она молится, если она верующая девушка, то на ней можно жениться. Если нет, то я бы посоветовал на ней не жениться». Для некоторых молодых женщин обращение к исламу может быть эффективным способом свести к минимуму любой возможный социальный ущерб от осуждения, связанного со свободой передвижения женщин. Религиозная практика может, таким образом, стать для женщин способом продвижения своих интересов и

достижения личных целей. Это может рассматриваться как инструментализация религии; она осуществляется намеренно, но все же навязана им внешне вследствие системы негативных убеждений о женской трудовой миграции. Ислам может стать пространством, где женщины могут практиковать свободу действий в рамках религии, что может увеличить их персональные шансы на успешную реинтеграцию. Применение религиозных атрибутов, таких как покрытие головы и хиджабы, может также улучшить для них ожидаемые

Исследование НСК и ЮНФПА (2016 г.) раскрыло некоторые данные о взаимосвязях между религией и миграцией. Опрос выявил данные, которые противоречили общепринятым убеждениям, разделяемым экспертным сообществом, что граждане Кыргызской Республики, как правило, становились более религиозными по их возвращении домой. На деле, цифры опровергли эти убеждения. Несмотря на то что некоторые данные указывали на повышение религиозности после возвращения, это в основном касалось мигрантов, возвращающихся из Объединенных Арабских Эмиратов (89 процентов респондентов). Повышение религиозности мигрантов после возвращения из ОАЭ часто было особенно заметным в сельской местности (91 процент) по сравнению с городскими жителями (84 процента). Из числа городских жителей, вернувшихся из Турции, 11 процентов респондентов из Бишкека и 21% по всей стране, в целом, отметили, что стали более религиозными после своего возвращения. Примечательно, что трудовая миграция в Российской Федерации и Республике Казахстан не имела значительного влияния на религиозность мигрантов: менее 2 процентов респондентов сообщили о большей религиозности после возвращения из этих стран. В ходе опроса были определены такие причины повышения религиозности, как активные религиозные организации в странах пребывания (47 процентов) и убеждение, что обращение к религии помогает мигрантам справляться с жизненными трудностями вдали от дома (21 процент). Основными причинами снижения религиозности мигрантов являлись отсутствие времени на религию, сокращение доступа к религиозным организациям, влияние других религий (24 процента) и утеря взаимосвязи со своей традиционной религией (19 процентов).

ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Женская трудовая миграция в Кыргызстане характеризуется сложным и динамическим повествованием, разнополюсными убеждениями, противоречивыми идеями и практиками для тех женщин и мужчин, которые уезжают, остаются или возвращаются. Существует дилемма между экономическим давлением, побуждающим женщин мигрировать, и гендерными нормами, которые приписывают им обязанности по уходу за домом и семьёй на родине. Индивиды и сообщества справляются с этими сложностями и неясностями через постоянное социальное конструирование труда мигрантов-женщин как временного явления, как результата внешнего финансового давления и образа жизни за рубежом в качестве уязвимого. По возвращении от женщин ожидается, что они вернутся к своей премиграционной роли, образу жизни и задачам внутри домашнего хозяйства. Их семьи тщательно контролируют их на наличие признаков любых внутренних изменений. С любыми признаками возможного раскрепощения или эмансипации борются через неявные и явные формы насилия и постоянного контроля. Женская трудовая миграция, таким образом, занимает ту сферу, которую можно описать как «гендеризованное и неоднозначное пространство», характеризующееся особой уязвимостью и рисками для женщин-мигрантов.

Мы показываем, что женщины-мигранты активно используют данные им возможности для собственной личной выгоды и расширения своих прав и возможностей. Они поддерживают видимость «нормальности» и стабильности, применяя определённые стратегии, которые помогают им поддерживать свой «правильный» образ, в то же время используя свою свободу передвижения как возможность для саморазвития и роста. Однако такие положительные последствия были менее очевидны среди женщин, которые мигрировали с целью поддержки своих работающих мужей и в основном выполняли работу по дому и уходу за детьми в стране пребывания. Допустимость самостоятельной миграции в настоящее время в основном обусловлена сложной динамикой, дискурсивными переговорами и пересмотром «женской миграции» как чего-то, что является «не совсем» работой, а женщин-мигрантов как «не совсем работников». Но в целом женщины-мигранты из Кыргызстана, которым удаётся найти возможности укрепить свою независимость и следовать собственным интересам, делают это, одновременно подчиняясь нормативным убеждениям о том, что женщины в основном являются хранительницами очага, и не бросая открытый вызов традиционным гендерным нормам. Мы утверждаем, что усилия женщин-мигрантов обладают потенциалом дестабилизации и преобразования разделяющих и иерархических гендерных норм, но лишь постепенно.

В этом исследовании нами были определены уязвимые стороны, связанные с миграцией, которые являлись как общими, так и специфическими для женщин. Мы выдвинули аргумент, что домиграционная уязвимость и привилегии могут снизить или минимизировать риски для женщин во время миграции и определить то, извлекут ли женщины выгоду из постмиграционного роста или нет. Мы обсудили факторы, которые могут способствовать положительному развитию среди женщин и то, какие существуют угрозы после миграции. На основе нашего анализа мы сформулировали ряд рекомендаций по политике, которые, как мы надеемся, могут быть использованы для распространения положительного опыта и устранения выявленных новых областей, вызывающих озабоченность.

Рекомендации:

Наши выводы и существующая литература легли в основу следующих **рекомендаций** по усилению потенциала женской трудовой миграции для поддержания гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, а также их чувства безопасности и способности содействовать миру на уровне сообществ. Они включают обязательства как минимум в трёх необходимых сферах политики и программах с целью достижения следующего:

1. Подход на основе прав человека и глобальные обязательства в сфере развития.

Уважение прав человека является предварительным условием для роста и процветания в мире и безопасности. Это, в свою очередь, укрепляет способность мигрантов вкладывать в собственное благополучие, в благополучие своих семей и общества. Для соблюдения уважения прав человека женщин-мигрантов и обеспечения соответствующей практики мы предлагаем следующие рекомендации:

- Кыргызская Республика должна обеспечить соблюдение и исполнение всех договоров и инструментов прав человека, продвигающих и защищающих права трудящихся мигрантов, в том числе девочек и женщин, таких как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), Конвенция ООН по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей (ICRMW), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ICESCR), Конвенция о миграции в целях трудоустройства, международная Конвенция по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей и т.д.;

- Необходимо реализовать Глобальную повестку дня в области развития и Цели устойчивого развития для создания условий, при которых женщины могут сами делать выбор мигрировать, а не быть вынужденными делать это вследствие экономической необходимости или беспокойства о безопасности. Поэтому рекомендуется, чтобы правительство Кыргызстана содействовало реализации Целей устойчивого развития (в особенности, цели 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10, 16), которые сокращают ограничения, толкающие людей на миграцию, такие как безработица, гендерное неравенство и т. д.;

- Правительство Кыргызской Республики, при поддержке международного и местного сообщества, должно пересмотреть национальные программы в области развития, например, новую Стратегию устойчивого развития до 2040 года, Программу содействия занятости и регулирования миграции до 2020 года, Закон КР «О внешней трудовой миграции», Соглашение «О гарантиях прав граждан стран-участников СНГ в области пенсионного обеспечения» (1992 г.), Соглашение между Российской Федерацией и Кыргызстаном и между Кыргызстаном и Казахстаном «О сотрудничестве в сфере трудовой миграции и социальной защиты

трудящихся мигрантов» (1994 г.), Конвенцию СНГ о правовом статусе трудящихся мигрантов и членов их семей (2008 г.) и т.д., с целью выявления дискриминационных положений и их изменения соответствующим образом;

- Необходимо разработать политические меры, программы, проекты и развивать работу в сообществах для обеспечения большей государственной поддержки и консультаций потенциальным трудящимся мигрантам и возвратившимся мигрантам для обеспечения их осведомленности о своих правах и возможностях получения доступа к услугам, в том числе услугам здравоохранения, социального страхования, гражданской документации (например, свидетельства о рождении) и правовой помощи. Это предварительное и последующее ориентирование должно учитывать более высокую уязвимость трудящихся женщин-мигрантов перед сексуальным насилием и торговлей людьми, но не сводить весь опыт женщин-мигрантов только к этим аспектам.

- Правительство Кыргызстана должно обеспечить институционализацию доступных программ правовой грамотности (через ряд каналов коммуникации) для продвижения улучшенного понимания прав женщин-мигрантов. Это включает повышение осведомленности о вопросах миграции, например, о том, как не попасть под запрет на обратный въезд в Российскую Федерацию.

2. Гендерно-чувствительный подход в политике и программах в области миграции

Международная миграция должна рассматриваться как гендеризованное явление. Любые аналитические рамки, используемые для понимания миграции, должны позволять изучение того, как миграция и её результаты разнятся по гендерному признаку. Расширение участия женщин в международной трудовой миграции даёт им возможность вступить на рынок труда, принимать информированные решения и уйти от репрессивной обстановки дома. Однако миграция также ставит перед женщинами гендернообусловленные риски вследствие дискриминационных норм и культурных ожиданий, ограничивающих их потенциал и способности. Рекомендации, приведённые ниже, подчёркивают необходимость гендерно-чувствительных подходов при разработке политических мер и стратегий в области миграции:

16 Миграция и развитие: Подход на основе прав человека <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cmw/docs/HLMigration/MigrationDevelopmentHC%27spaper.pdf>

- Правительство Кыргызской Республики должно включить гендерную проблематику и необходимость повышения уровня защиты и услуг для женщин-мигрантов в двусторонние обсуждения по вопросам трудовой миграции между Кыргызстаном и странами пребывания, такими как Россия.

- Учитывая тот факт, что женщины с большей степенью вероятности могут столкнуться с опасными и незащищёнными условиями труда, необходимо рассмотреть возможность обеспечения эффективного мониторинга рабочих условий женщин-мигрантов со стороны соответствующих органов в качестве способа предупреждения нарушений прав работников и эксплуатации.

- Признавая тот факт, что женщины могут испытывать трудности с доступом к ним, национальные и международные организации, как правительственные, так и неправительственные, должны предпринять меры по предоставлению доступных, гендерно-чувствительных услуг, в том числе услуг по психическому здоровью и социальному уходу, по предупреждению насилия и защите, а также внедрению механизмов справочно-информационного консультирования.

- Необходимо обеспечить достаточную поддержку для механизмов и сетей наставничества между успешными женщинами-мигрантами и женщинами, рассматривающими возможность работы за рубежом. Нужно предоставить поддержку группам самопомощи женщин-мигрантов, объединениям мигрантов и другим неправительственным организациям, помогающим женщинам отстаивать свои права и улучшать доступ к возможностям расширения прав.

- Целенаправленное внимание к гендерно-обусловленной уязвимости и преимуществам в политике и программах по миграции смогло бы создать более справедливую ситуацию для женщин-мигрантов. Необходимо изучить многочисленные формы угнетения в миграции (например, как женщины, как иностранки, принадлежащие к определённой расе, и т.д. со стороны граждан стран пребывания и родных сообществ). Крайне важно предоставить женщинам доступ к правосудию и надлежащим правовым процедурам на всех этапах миграции.

- Заинтересованные стороны должны вовлекаться в продвижение политических мер и программ, чувствительных к нуждам женщин-

мигрантов, в том числе мер, которые должны быть предприняты для культивирования чувствительности к уязвимости возвращающихся женщин-мигрантов дома, на работе и в обществе в целом.

- Отрицательные взгляды на женщин-мигрантов отражают мифы, связанные с гендером, которые глубоко укоренились в кыргызском обществе. Эти мифы далее концептуализируются в умах кыргызских людей через их представления о женщинах-мигрантах. Поэтому важно снизить степень патриархальности/бинарности восприятия гендерных ролей в обществе через систематические программы школьного образования, направленные на искоренение основных причин стереотипного восприятия роли женщин и девочек на основе гендерной принадлежности, в том числе женщин-мигрантов.

- Более долгосрочным подходом к снижению подверженности женщин попадать в незащищённые условия труда является продвижение профессионально-технического образования и обучения среди девочек и женщин, мотивация и расширение их прав и возможностей, чтобы они работали по профессиям, которые обычно не пользуются популярностью среди женщин в Кыргызстане. Это поможет обеспечить более гарантированную занятость женщин в формальных секторах экономики как на внутреннем, так и на внешнем рынке труда. Гарантированная занятость играет важную роль для женщин, получающих социальные пособия, а также для обеспечения лучшей защиты от насилия, в том числе торговли людьми.

3. Концептуальный акцент на способности женщин к самостоятельным действиям (вместо виктимизации женщин-мигрантов)

Миграция и процессы развития тесно переплетены. Для увеличения выгоды от работы за границей возможности женщин и мужчин должны занимать более центральное место в анализе миграции. Мы согласны с сетью «Женщины в миграции» в том, что *«Женщины-трудящиеся мигранты не должны рассматриваться как источник дохода для своей страны происхождения через денежные переводы или как источник дешёвой рабочей силы в странах назначения. Женщины-трудящиеся мигранты делают и другой значительный вклад в развитие, помимо переводов. Сюда входят лидерство, способность к самостоятельным действиям, знания и социальный*

вклад женщин в странах происхождения и назначения» (2017 г., стр. 6),¹⁷ и рекомендуем следующее:

- Продолжать усилия по проведению гендерно-чувствительного анализа, обзора и оценки всех стратегических документов и программ в области развития всех уровней с целью внедрения гендерной экспертизы, которая могла бы подчеркнуть важный потенциал женщин-мигрантов для внесения вклада в устойчивое развитие и мир.

- Кыргызская Республика должна следовать рекомендациям ООН-женщины по «немедленной разработке миграционной политики на основе прав человека с учётом гендерной проблематики, признающей способность и волю женщин к самостоятельным действиям в миграции, продвигающей расширение их прав и возможностей и избегающей рассмотрения женщин-мигрантов через призму психологии жертвы»¹⁸, и «признания важного вклада женщин-мигрантов в устойчивое развитие и социальные изменения в странах происхождения, транзита и назначения»¹⁹ с целью акцентирования внимания на защите прав женщин, а не на защите самих женщин, так как последнее ограничивает их самостоятельность и независимость.

- Национальным и международным партнёрам необходимо вовлекаться в организацию общественных информационных кампаний и кампаний по повышению осведомлённости о феминизации миграции и её возможном положительном вкладе в нексус «развитие – права» для снижения распространённых отрицательных убеждений о женщинах, работающих за рубежом.

- Возвращающимся мигрантам должно предоставляться обучение профессиональным навыкам с тем, чтобы они могли войти обратно на кыргызский рынок труда и решить проблему утери профессиональных навыков (депрофессионализации), которая может произойти во время трудовой миграции. Это может помочь минимизировать постмиграционный стресс.

17 https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/women_in_migration_ts3.pdf

18 ООН-женщины, Рекомендации по закреплению прав человека женщин в Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции.

19 ООН-женщины, Рекомендации по закреплению прав человека женщин в Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции.

Большая часть вышеприведённых рекомендаций потребует:

- Улучшенного понимания женщин-мигрантов через эмпирические данные, которые должны рассматриваться в качестве эффективного доказательства для создания базы по формированию политических мер и программ. Требуется систематическое и регулярное исследование и сбор гендерно-чувствительных данных с целью обеспечения базы для справедливых, гендерно-чувствительных политических и адвокационных мер, основанных на доказательствах, с целью предупреждения дискриминации и эксплуатации.

- Выделение достаточных ресурсов и рабочей силы лицам, формирующим политику, и механизмам принятия решений для перехода от подхода, не учитывающего гендерную проблематику, к гендерно-чувствительному продвижению и защите прав женщин.

Эти рекомендации помогут правительству Кыргызстана реализовать Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года, основанную на международных нормах прав человека и признающую систематическое внедрение гендерной перспективы в осуществление Повестки до 2030 года как крайне важное, в частности для достижения Цели 5. В конечном счёте, все это будет содействовать полному участию как мужчин, так и женщин-мигрантов в обоих обществах: в обществе направляющей и в обществе принимающей страны, и будет включать «[применение] интеграции в рынок труда, социальной вовлеченности и политического участия при помощи способов, с уважением относящихся к идентичности и защищающих права человека, признавая что долгосрочные результаты могут укрепить мир и процветание сообщества и страны» (ООН Женщины, 2017 г., с. 10).

ИСТОЧНИКИ

Азиатский банк развития (2014г.). Кыргызская Республика, Стратегическая оценка экономики. Продвижение инклюзивной экономики. Манила.

Акипресс (4 июня 2015 г.). Десять тысяч четыреста двадцать семь детей в Кыргызстане лишены заботы родителей. Акипресс. Получено по ссылке: <http://kg.akipress.org>

Асис, М. (2006 г.). Группа высокого уровня ООН по миграции. Получено по ссылке: <http://www.un.org/press/en/2006/wom1544.doc.htm>

АУЦА (2013 г.). Международная конференция «Защита прав трудящихся мигрантов и её применение в Кыргызстане». Получено по ссылке: <https://auca.kg>.

Бейшенбек кызы Э. (2012 г., май 30). Сапаргуль: Я не живу. Я боюсь разговаривать с людьми. Радио Азаттык. Получено по ссылке: <https://rus.azattyk.org>.

Бойд М. (2006 г.). Группа высокого уровня ООН по миграции. Получено по ссылке: <http://www.un.org/press/en/2006/wom1544.doc.htm>

Карсуэлл К., Блэкбёрн П., Баркер К. (2009 г.). Связь между травмой, постмиграционными проблемами и психологическим самочувствием беженцев и лиц, ищущих убежища. (The relationship between trauma, post-migration problems and the psychological well-being of refugees and asylum seekers). *Международный журнал социальной психиатрии*, 57(2), 107 – 119.

Central Asia on the Move (2015 г.). Альтернативный отчёт-2015: для Комитета ООН по защите прав всех трудящихся мигрантов.

Чудиновских О., Кыдыров Т., Маденюев А., Манке М. (2013 г.). Миграционный профиль: Кыргызская Республика. 2012 г. Бишкек: MOM.

Управление по миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации (2016 г.). Сведения в отношении иностранных граждан, проживающих в Российской Федерации, с разбивкой по возрасту и полу. Получено по ссылке: http://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics/Svedenij_a_v_otnoshenij_inostrannih_grazh/item/5850/

Донато К. (1992 г.). Понимая иммиграцию в США: Почему некоторые страны посылают женщин, а другие мужчин (англ. Understanding US immigration: Why some countries send women and others send men). В Д. Кабачча (под ред.), *В поисках общей основы: Междисциплинарные исследования женщин-иммигрантов в Соединённых Штатах*. Нью-Йорк: Greenwood Press.

Габачча Д., Донато К., Холдавэй Дж., Маналансан М. и Пессар П. (2006 г.). Обзор международной миграции, 40.

FRA (Агентство по основным правам ЕС) (2009 г.). *Ситуация граждан ЕС народности рома, переезжающих и расселяющихся в других государствах-членах ЕС*. Люксембург: Отдел официальных публикаций Европейских сообществ.

МФПЧ (2016 г.). Кыргызстан: Женщины и дети из Кыргызстана, вовлечённые в миграцию. Наиболее уязвимые группы. Получено по ссылке: https://www.fidh.org/IMG/pdf/rapport_kyrgyzstan_ru-web.pdf

Галлардо С.М. (2006 г.). Группа высокого уровня ООН по миграции. Получено по ссылке: <http://www.un.org/press/en/2006/wom1544.doc.htm>

Инновационные решения (2014 г.). Влияние миграции на жизнь сельских женщин. Исследование при поддержке ООН-женщины: Бишкек.

Международная организация труда (2016 г.). Статистика и база данных, Кыргызстан. Получено по ссылке: http://www.ilo.org/ilostat/faces/help_home/data_by_country/country-details?country=KGZ&locale=en&afLoop=123080

Международная организация по миграции (2009 г.). Гендер и трудовая миграция в Азии. Женева: MOM.

Исмаилбекова А. (2014 г.). Миграция и патрилинеальное происхождение: Роль женщин в Кыргызстане. Обзор Центральной Азии (33) 3, 375-389, DOI: 10.1080/02634937.2014.961305

Крёгер А. и Андерсон К. (2011 г.). Денежные переводы и способности детей: Новые доказательства из Кыргызстана, 2005-2008 гг. (англ.

Remittances and children's capabilities. New evidence from Kyrgyzstan, 2005-2008.). DIW: Берлин. Получено по ссылке:

http://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.388327.de/dp1170.pdf

Министерство труда, миграции и молодёжи Кыргызской Республики (2016 г.). Совместный доклад по миграции. Получено по ссылке: https://www.auca.kg/uploads/Tian%20Shan%20Policy%20Center/TSPC%20Publications/Unified%20Migr%20Report_2014.pdf

Могилевский Р. (2005 г.). *Трудовая миграция в Кыргызской Республике и её социальные и экономические последствия*. Документ представлен в Сети азиатско-тихоокеанских школ и институтов государственного администрирования и управления (NAPSIPAG) на ежегодной конференции 2005 года. Пекин, PRC, 5-7 декабря.

Маунтц А. (2009 г.). «Другой» (англ. The "Other"). В С. Галлахер, С. Далман, М. Гилмартин, А. Маунтц и П. Ширлоу (под ред.). *Ключевые понятия географии населения, стр. 328-339*.

Нэйгел Дж. (1998 г.). Мужественность и национализм: Гендер и сексуальность в создании наций. *Исследования этничности и рас (англ. Ethnic and Racial Studies), 21(2), 256*.

Ойши Н. (2005 г.). Женщины в движении: Глобализация, государственная политика и трудовая миграция в Азии. Стэнфорд: Stanford University Press.

Орозко М. (2006 г.). Группа высокого уровня ООН по миграции. Получено по ссылке: <http://www.un.org/press/en/2006/wom1544.doc.htm>

Пантеа М. (2012 г.). От «зарабатывания на жизнь» к «процветанию»: Опыт миграции женщин народности рома (англ. From 'making a living' to 'getting ahead': Roma women's experiences of migration). Журнал этнических и миграционных исследований, 38(8), 1251-1268. doi:10.1080/1369183X.2012.689185 Stanford University Press.

Паргамент К. И. (1997 г.). Психология религии и преодоления кризисных ситуаций: теория, исследование и практика. NY: Guilford Press.

Портер М. и Хаслам Н. (2005 г.). Факторы до и после перемещения, связанные с психическим

здоровьем беженцев и внутренне перемещённых лиц, мета-анализ (англ. Predisplacement and postdisplacement factors associated with mental health of refugees and internally displaced persons a meta-analysis). JAMA, 294(5), 602-612. doi:10.1001/jama.294.5.602

Государственная служба миграции при Правительстве Кыргызской Республики (2017 г.). Обзор ситуации с миграцией в Кыргызстане. Получено по ссылке: <http://ssm.gov.kg/reports/view/2>

Соллунд Р.А. и Леонард Л. (2012 г.). *Транснациональная миграция, гендер и права*. Бинглей, С.К.: Emerald Group Publishing Limited.

Тьем С. (2008 г.). Живя в переходном состоянии: Как кыргызские женщины справляются с различными ролями в многопространственной обстановке (англ. Living in transition: How Kyrgyz women juggle their different roles in a multi-local setting). Гендер, технология и развитие (12), 3, 325-345. Получено по ссылке: https://auca.kg/uploads/Migration_Database/Thieme_2008_GTD~12-3-03.pdf.

Тоблер, У. (1995 г.). Миграция: Равенштайн, Торнтвэйт и далее. *Городская география*, 16(4), 327-343.

Тюруканова Е.В. (2011 г.). Женщины-мигранты из СНГ в России. Москва: Макс Пресс.

Всемирный банк (2011 г.). Справочник по миграции и денежным переводам (2-е издание). Получено по ссылке: <http://siteresources.worldbank.org/INTLAC/Resources/Factbook2011-Ebook.pdf>

Организация Объединённых Наций (2006 г.). *Феминизация миграции, денежные переводы, права мигрантов, утечка мозгов среди вопросов по итогам обсуждения комиссии по народонаселению*. Получено по ссылке: <https://www.un.org/press/en/2006/pop945.doc.htm>

Организация Объединённых Наций (2015 г.), Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения, Тенденции изменения численности международных мигрантов: издание 2015 года цитируется по ссылке <https://www.iom.int/countries/kyrgyzstan>

Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций (2016 г.), Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, 3 октября 2016 г. <http://refugeesmigrants.un.org/declaration>

«ООН-ЖЕНЩИНЫ» – СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, ЗАНИМАЮЩАЯСЯ ВОПРОСАМИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА И РАСШИРЕНИЯ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН.

«ООН-ЖЕНЩИНЫ», ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕРЕСЫ И ПРАВА ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК ВО ВСЕМ МИРЕ, БЫЛА СОЗДАНА В ЦЕЛЯХ УСКОРЕНИЯ ПРОГРЕССА В ДЕЛЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ВО ВСЕМ МИРЕ.

Структура «ООН-женщины» оказывает поддержку государствам – членам ООН в установлении глобальных стандартов для достижения гендерного равенства и сотрудничает с правительствами и гражданским обществом по вопросам выработки законов, стратегий, программ и услуг, необходимых для внедрения этих стандартов. Она выступает за равноправное участие женщин во всех сферах деятельности, уделяя особое внимание пяти приоритетным областям: расширение руководящей роли женщин и участия в процессах принятия решения; искоренение насилия в отношении женщин; привлечение женщин к участию в процессах обеспечения мира и безопасности; расширение экономических прав и возможностей женщин и придание первоочередного значения вопросам гендерного равенства в процессах национального планирования и бюджетирования. Структура «ООН-женщины» также координирует и содействует работе системы Организации Объединенных Наций в области обеспечения гендерного равенства.

Страновой офис «ООН-женщины» в Кыргызстане
г. Бишкек, ул. Коенкозова 144,

Телефон: +996 312 325 226
Факс: +996 312 325 226 (ext. 105)

имейл: kyrgyzstan@unwomen.org
www.unwomen.org
www.kg.one.un.org
www.eca.unwomen.org